

Михаил ПОПОВ

КАПЕР ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Серия исторических романов

Михаил Попов

Капер Его Величества

«ВЕЧЕ»

2015

Попов М. М.

Капер Его Величества / М. М. Попов — «ВЕЧЕ», 2015 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-3277-8

Капитан Уильям Кидд (1645–1701) – величайший пират Индийского океана – когда-то мечтал о тихой, спокойной жизни. Однако судьба оказалась жестокой к нему. Он потопил чужих кораблей больше, чем было у него зубов, едва не оказался съеденным на Мадагаскаре и, будучи равнодушен к деньгам, носил в кармане камзола алмаз из сокровищницы Великих Моголов.

ISBN 978-5-4444-3277-8

© Попов М. М., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	8
Часть 1. «Веселый бретонец»	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Часть II. «Блаженный Уильям»	32
Глава 1	32
Глава 2	47
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Попов

Капер его величества

© Попов М. М., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Об авторе

Михаил Михайлович Попов родился в 1957 году в Харькове. Учился в школе, сельскохозяйственном техникуме и литературном институте. Между техникумом и институтом два года прослужил в Советской армии, где и начал свою литературную жизнь, опубликовав романтическую поэму в газете Прибалтийского ВО. Сочинял и публиковал стихи. Выпустил три сборника. Но одновременно писал и прозу. Дебют на этом поприще состоялся в 1983 году, в журнале «Литературная учеба» была опубликована повесть М. Попова «Баловень судьбы».

В 1988 году вышел роман М. Попова «Пир», и, несмотря на то что речь в нем шла о жизни психиатрической больницы им. Кащенко, роман был награжден Союзом писателей СССР премией им. А. М. Горького «За лучшую книгу молодого автора».

Круг профессиональных литературных интересов Михаила Попова всегда был широк, и с самого начала одним из наиболее заметных направлений в его работе была историческая романистика. В 1994 году он выпустил роман «Белая рабыня», об архангельской девчонке, ставшей во второй половине XVII века приемной дочерью губернатора Ямайки и устроившей большой переполох в Карибском море. Морская тема была продолжена романами «Паруса смерти», «Барбаросса», «Капер Его Величества». Но и на суше у исторического романиста Михаила Попова есть свои интересы. Большим успехом пользуется у читателей и постоянно переиздается его роман «Тамерлан», в котором описываются годы становления знаменитого полководца, его трудный и извилистый путь к трону повелителя Азии. Вслед за образом диктатора восточного писатель обратился к образу диктатора западного образца, первого единоличного римского правителя Суллы (роман «Темные воды Тибра»). Объемистый роман посвящен и истории Древнего Египта («Обреченный царевич»), где речь идет, наоборот, не о властителе, а о ребенке, мальчике Мериптахе, ставшем невольной причиной крушения в стране фараонов власти «царей-пастухов» – гиксосов.

Особое место среди исторических романов занимают книги, посвященные исследованию такого загадочного и весьма неоднозначного феномена, до сих пор волнующего воображение миллионов людей в разных странах, как орден тамплиеров. Несмотря на то что с момента его официальной ликвидации в 1314 году прошло сравнительно немного времени, осталось чрезвычайно мало документов, на которые можно было бы надежно опереться при создании книги о тамплиерах. Деятельность храмовников в Палестине – вообще сплошная загадка. Михаил Попов дает свою версию событий, происходивших в XII–XIII веках на Святой земле, и свой взгляд на то, какую роль в этих событиях сыграли рыцари Храма. Романы писателя «Цитадель тамплиеров» и «Проклятие тамплиеров» вызвали большой интерес у читателей, имели место даже массовые ролевые игры на основе сюжета этих книг в Белоруссии и Тверской области.

Помимо исторических романов в традиционном понимании Михаил Попов написал несколько произведений как бы межжанрового характера, и исторических и фантастических одновременно. Таких, как «Огненная обезьяна», «Вавилонская машина», «Плерома».

Когда М. Попов пишет о современности, он не ограничивается темой сумасшедших домов, как в романе «Пир», он интересно и внимательно исследует психологию современного горожанина, что и отразилось в его романах «Москаль», «Нехороший дедушка», «Капитанская дочь».

Но все же, как нам кажется, М. Попова следует считать по преимуществу романистом историческим. Более того, есть сведения – несмотря на уже написанные им две книги о тамплиерах, – что автор не считает разговор о рыцарях Храма законченным.

Избранная библиография М. М. Попова:

- «Пир» (1988)
- «Белая рабыня» (1994)
- «Паруса смерти» (1995)
- «Железный Хромец» («Тамерлан») (1995)
- «Темные воды Тибра» (1996)
- «Барбаросса» (1997)
- «Цитадель тамплиеров» («Цитадель», 1997)
- «Проклятие тамплиеров» («Проклятие», 1998)
- «Огненная обезьяна» (2002)
- «Вавилонская машина» (2005)
- «Плерома» (2006)
- «Капер Его Величества» («Завещание капитана Кидда», 2007)
- «Москаль» (2008)
- «Обреченный царевич» («Тьма египетская», 2008)
- «Нехороший дедушка» (2010)
- «Капитанская дочь» (2010)
- «Кассандр» (2012)

Предисловие

Действие романа, открытого сейчас вами, развивается частью до, частью после того момента, который британские историки называют «славной революцией».

В 1660 году в Англии произошла реставрация династии Стюартов и к власти вернулись, как принято считать, консервативные силы. Но Карл II Стюарт уже не мог считаться абсолютным монархом. Ему пришлось пообещать амнистию всем своим политическим противникам, свободу вероисповедания и сохранение права собственности на имущество, приобретенное во время буржуазной революции. Королю пришлось подтвердить Великую хартию вольностей и Петицию о праве.

Разумеется, Карл был не в восторге от необходимости принимать подобные решения. Утвердившись на троне, он стал править так, словно никаких обещаний не давал и никаких хартий не подтверждал.

В стране была полностью восстановлена власть англиканской церкви и ущемлены пресвитериане и индепендентские секты. Началась расправа над теми, кто так или иначе участвовал в революции 1641–1649 годов и казнил Карла I, а заодно и над теми, кто ему просто не нравился.

В общем, он вел себя как всякий нормальный монарх, но, к его несчастью, времена наступили другие, представление о нормах правления сильно изменилось. Оппозиция невероятно осмелела и вмешивалась даже во внешнюю политику. От короля требовали, чтобы он, например, разорвал отношения с Францией, с Людовиком XIV, на том основании, что тот плохо обходится с протестантами.

Кстати, Карла II поддерживал в его деяниях парламент, так называемый «парламент кавалеров», то есть аристократов. Но его пришлось распустить под давлением оппозиции. В результате новых выборов король получил парламент (так бывает очень часто) еще хуже прежнего. У лондонских клерков бытовала тогда поговорка, которую можно перевести примерно так: парламент менять – время терять.

Выборы 1679 года раскололи страну на две активно противоборствующие партии – вигов и тори. Название «виги» происходило от видоизмененной бранной клички «вигаморры», ее применяли в Шотландии к непримиримым пресвитерианам. «Виггом» по-шотландски значит «возчик».

Виги стояли в оппозиции королю.

Тори являлись сторонниками правительства. Тут в основе ирландское слово «тори» – воры. Это было прозвище ирландских партизан-католиков, боровшихся в пятидесятые годы XVII века против английских завоевателей.

Через некоторое время Карл разогнал и этот парламент и четыре года не собирал никакого, заняв чисто реакционную позицию. Одних оппозиционеров он изгнал из страны (Шефтсбери), других казнил (Олджернон Сидней).

А в 1685 году Карл вообще умер, оставив трон герцогу Йоркскому, взошедшему на престол под именем Якова II, – человеку, по сравнению с которым он сам мог бы считаться либералом.

Якова Стюарта ненавидели все. Что бы он ни делал, его начинали ненавидеть еще больше. А занимался он главным образом тем же, чем и его предшественник, – устраивал парламентские выборы и вслед за этим разгонял парламент.

В результате Яков довел страну до такого состояния, что главари вигов и тори сговорились против него и решили его заменить. Выбор пал на Вильгельма III Оранского, в то время штатгальтера Голландской республики.

Штатгальтеру трудно было устоять перед предложением сделаться королем. Вильгельм не устоял. Вместе с супругою Марией (дочерью ненавистного Якова) и двенадцатитысячным войском он высадился в Англии.

Якова никто не хотел защищать.

Вместе с тем его не хотели и арестовывать, чтобы потом не пришлось казнить. Карла I Стюарта англичанам, видимо, хватило.

Джон Черчилль (впоследствии лорд Мальборо), главнокомандующий армией Якова, предпринял все меры к тому, чтобы ему не удалось схватить своего бывшего короля, и тот без каких-либо приключений отбыл во Францию, в объятия любезного друга Людовика, короля Солнце.

Друг помог другу, и началась война между двумя странами. Именно она описывается на страницах романа.

Некоторое время, для приличия, Вильгельм считался регентом королевства, но потом объявил себя королем.

В правительстве, естественно, стали заправлять виги, больше других сделавшие для победы «славной революции». Как они заправляли, известно из исторических источников, но что касается героя романа – капитана Кидда, то он оказывается в центре одного неприятного эпизода, связанного с правительственной деятельностью бывших оппозиционеров. Видимо, приверженность демократическому способу правления, ненависть к консерватизму не гарантируют от взяточничества, мздоимства и прочих незаконных попыток обогащения.

Тори, ставшие оппозицией, показали, что отлично умеют пользоваться оружием своих противников – парламентским и газетным визгом.

Впрочем, подлинный герой книги – обыкновенная и необычайная любовь.

Часть 1. «Веселый бретонец»

Глава 1

Сорокалетний рыжеволосый джентльмен в черном камзоле, украшенном белыми гентскими кружевами, в широкополой шляпе с красным плюмажем, в тщательно расчесанном парике не торопясь прогуливался по деревянному настилу набережной бристольского порта. У него на боку висела длинная шпага, взгляд серых, прозрачных глаз казался решительным, но опытный человек никогда бы не признал в нем военного. Что-то неуловимо гражданское было в его облике. И не только гражданское, но более того – праздное.

Вокруг кипела обычная портовая жизнь: сновали торговцы, приказчики, прошеествовал королевский патруль, из таверн, окна которых выходили прямо на набережную, доносились звуки умеренного утреннего сквернословия. Морские волки, завсегдатаи питейных заведений, еще не успели нагрузиться как следует и пока лишь вяло переругивались.

Джентльмен в черном камзоле смотрел по сторонам с интересом, но с интересом опасливым. Чувствовалось, что он впервые в таком оживленном месте и, будь его воля, постарался бы убраться отсюда поскорее и подальше.

Звали этого человека Уильям Кидд, и прибыл он в Бристоль по делу. Дело заключалось в приобретении торгового судна, пригодного для регулярных рейсов из британских портов в Бостон, по ту сторону Атлантики.

Уильям прибыл не один. Его предусмотрительный отец, Генри Кидд, отправил с ним старшего брата, Энтони. Собственно, Энтони и была поручена ответственная и рискованная операция с покупкой корабля. Но тот, к несчастью, сразу по прибытии в Бристоль подхватил воспаление груди и слег в постель. Местный доктор высказывал серьезные сомнения относительно его выздоровления.

– Во всем виновата резкая смена климата, – заметил он, протирая запотевшие после осмотра очки. – Вы, шотландцы, частенько болеете, оказавшись в наших местах.

Сообразив, что дела его плохи, Энтони отдал сундучок с деньгами брату, наказав ему ни в коем случае не тратить их попусту. В сундучке были не только их собственные полторы тысячи фунтов, но и сбережения троих соседей, которые задумали войти в долю для покупки корабля. Овечьи стада доставляли им кучу шерсти, сбывать ее дома или у соседей-британцев становилось все труднее. Америка – другое дело. Они там непрерывно воюют, им нужно шить все новые и новые мундиры.

– И будь осторожнее, Уильям, – прошептал Энтони слабеющими губами. – Эти английские собаки только и ждут случая ободрать наивную шотландскую овечку.

Умиравший не слишком преувеличивал, северные горцы лишь несколько десятков лет как вошли в состав Британского королевства, и определенное напряжение продолжало сохраняться в отношениях между соседями. Если бы приличный корабль можно было купить в Глазго, Генри Кидд не преминул бы это сделать.

– Я буду осторожен, Энтони, – ответил Уильям, искренне веря, что сдержит обещание. В своем семействе у него была репутация шалопаю. Дожив до сорока лет, он так и не завел семьи, не приобрел ни определенной профессии, ни определенных взглядов на жизнь. Больше всего любил охоту и рыбную ловлю. Месяцами просиживал в маленьком горном поместье на правах то ли управляющего, то ли ссыльного. Отец, разочаровавшись в нем, все-таки не до конца махнул на него рукой. Пробовал женить, но Уильям не клюнул на радости семейной жизни, предпочитая им ловлю перепелов и форели. Отец пробовал приставить его к какому-нибудь делу, и эта поездка в Бристоль была очередной такой попыткой. Не сомневаясь, что

из Энтони получится управляющий судоходной компанией, Генри Кидд надеялся, что Уильям окажется достойным хотя бы должности помощника.

Из того, как младший сын начал распоряжаться денежным сундуком, можно сделать вывод, что старший Кидд надеялся зря. Первым делом Уильям отправился в фешенебельный магазин и потребовал, чтобы его одели самым лучшим образом. Отсюда – и камзол, расшитый серебром, и шляпа с плюмажем. Он купил себе шпагу с золоченой рукоятью и три смены голландского белья. После этого он переехал из дешевой гостиницы в дорогую. Прочь домотканые чулки и башмаки на деревянных подошвах! Прочь оловянные ушаты для умывания, если можно пользоваться начищенными до блеска медными.

Впрочем, брата он тоже похоронил по высшему разряду.

И вот, покончив с этими хлопотами, Уильям отправился в порт.

Он не стал обращаться за советом в администрацию порта. Зачем? Там только и ждут его появления, чтобы обмануть, обчистить, пустить по миру. Ведь там служат одни англичане.

Он решил действовать на свой страх и риск, сообразуясь только со своим представлением о том, как следует покупать корабли для транспортировки шотландской шерсти.

Надо заметить, что его дорогой костюм плюс полное неумение носить его привлекли к нему внимание. Сначала к нему попытался втереться в доверие толстый господин с загорелой лысиной и грязным шейным платком на шее. Несмотря на все его ухищрения, предусмотрительный Уильям Кидд не открыл ему предмет своих интересов.

Второй интересующийся, тоже толстяк, но одетый много приличнее первого, напрямую спросил у шотландца, не собирается ли он приобрести судно на стоянке этого порта. Но Кидд и здесь, поразившись про себя проницательности второго толстяка, счел разумным ответить отрицательно.

Тот удивился:

– Тогда почему же вы слоняетесь по набережной вот уже два битых часа и не отрываете глаз от этих посуды?

Кидд замялся, не зная что ответить.

– Клянусь своей деревяшкой, он собирается наняться на одну из них юнгой, – тут же вмешался в разговор долговязый, сухощавый инвалид на оцарапанном протезе и с длинной пенковой трубкой в зубах. Именно такими рисовались в воображении осторожного покупателя типичные морские разбойники, поэтому он постарался поскорее покинуть сомнительное общество.

Когда он спешно удалялся, неловко придерживая у бедра непослушную шпагу, вслед ему катились раскаты наглого британского хохота.

Нет, твердо сказал себе Уильям, никогда он не будет моряком, ни разу до сорока лет он не выходил в море и не сделает этого впредь.

Что же тогда делать?

Больше всего ему хотелось вернуться домой, переодеться и, захватив свою ловчую сеть, отправиться за перепелами.

Но что он скажет отцу?

Тот обязательно спросит, где сотня фунтов, которой недостает в сундуке. Известие, что они ушли на шпагу, камзол и гостиницу, его ничуть не обрадует.

Надо купить корабль. Купить во что бы то ни стало, только это может смягчить отцовский гнев.

Только как это сделать? Порт полон одноногими мошенниками, к тому же все они британцы, а значит, действуют заодно. Они продадут ему дырявое корыто вместо настоящего корабля.

Положение совершенно безвыходное.

Уильям остановился. Сделал несколько шагов вперед. Потом снова остановился. Наконец развернулся с намерением вернуться на набережную и добиться своего, несмотря ни на какие препятствия и враждебные хитрости...

И увидел перед собой довольно высокого господина, высокого и широкоплечего. Долговязый, но узкоплечий шотландец почувствовал себя рядом с ним просто карликом. На мгновение ему стало неудобно. Впрочем, это чувство довольно быстро прошло. Высокий господин добродушно улыбался, его загорелое лицо располагало к себе, в глазах поблескивал веселый огонек. Единственное, что могло вызвать недоверие к нему, так это странного покроя камзол. Высокий господин был, несомненно, иностранцем.

Уильяма это обстоятельство только обрадовало. Стоило господину представиться:

– Франсуа Леруа, к вашим услугам, – он тут же проникся к нему полнейшим доверием. – Я слышал, вы хотите приобрести корабль?

Уильям расплылся в улыбке.

– Да.

– Готов содействовать вам в этом деле. Я вижу, вы пока не обзавелись опытом в подобного рода сделках, а мне приходилось и покупать, и продавать суда. Не говоря уж о том, что плавать на них.

– О, был бы вам очень признателен. Француз покрутил на пальце внушительный перстень с роскошно выглядевшим камнем.

– Что ж, у меня есть на примете одна посудина. Она у зеленого причала, возле старых боен, знаете это место?

Шотландский покупатель восхищенно, но в то же время отрицательно покачал головой.

– Понятно. Мы можем сразу же отправиться туда.

– Пожалуй.

– Деньги у вас с собой?

– Деньги у меня в гостинице.

– Как она называется?

– «Зеленый лев».

– Мое судно носит имя «Веселый бретонец».

– Ваше?

– То, которое я хочу вам предложить, – поправился Леруа. – С владельцем вы познакомитесь прямо на борту.

– Отлично!

Леруа поощрительно улыбнулся.

– Вы знакомы с кем-нибудь из чиновников здешней судебной палаты?

Уильям сказал, что нет, и не выказал никакого сожаления по этому поводу.

– А в администрации капитана порта вам приходилось бывать?

– Ни разу, – гордо ответил шотландец.

– Что ж, тогда я позабочусь обо всем сам. Надеюсь, вы мне доверяете?

– О, да.

– Всех этих господ, а также нотариуса вы застанете прямо на «Веселом бретонце».

Лицо Уильяма внезапно помрачнело, и это не осталось без внимания господина Леруа.

– Вас что-то не устраивает? Вы боитесь, что вам придется заплатить слишком большие комиссионные?

– Нет, просто меня немного смущает название вашего корабля.

– Когда вы станете его владельцем, то сможете его изменить и прямо при покупке вписать в судовой паспорт. Такие вещи делаются довольно часто.

– Хорошо, условились, господин Леруа. Я отправляюсь в гостиницу за деньгами.

Уильям уже направился было вверх по переулку, когда услышал сзади крик француза:

- Пойдите!
- В чем дело?
- Как вас зовут?
- Кидд, Уильям Кидд.

Мсье Леруа поклонился со всею возможной деликатностью, ему было слегка стыдно за свою оплошность.

Два часа спустя покупатель сидел в небольшой и не слишком богато убранной кают-компании корабля, который он собирался купить. За столом, занимавшим, как водится, центральную часть помещения, помимо покупателя и мсье Леруа находилось еще несколько господ. Типичные канцелярские крысы. Черные протертые на локтях сюртуки, испачканные чернилами пальцы, ухмысловое выражение лиц. Говорили они неприятно гундося. Уильям понял, что без помощи господина Леруа он ни за что не смог бы договориться с этими жутковатыми существами.

Ждали мсье Жаке, владельца корабля. Наконец он явился. Низкорослый, кривоногий бретонец, совсем не веселый на вид. «Наверное, из-за того, что ему приходится расставаться с кораблем», – подумал Уильям.

При его появлении канцеляристы тут же достали туго свернутые бумажные листы и откинули крышки бронзовых чернильниц, которые носили на поясе на цепочках.

- Вы уже осмотрели судно? – спросил мсье Жаке.
- Да, мне показали и пушки, и трюмы, и с командой познакомился.
- И что скажете?

Мсье Жаке сдвинул брови на переносице, и покупатель понял, что лучше говорить неправду. Что там закопченные медные чудовища вместо пушек, вонючие ямы вместо трюмов и шайка подозрительных личностей вместо команды! Главное, корабль будет куплен.

Отец останется доволен.

Уже завтра можно будет отправиться домой.

Бедные поселянки обалдеют от его бристолевских нарядов и станут еще доступнее, чем прежде.

– Тогда можно приступать к оформлению документов, – сказал самый мрачный из мрачных конторщиков.

Заскрипели перья.

По приказу мсье Леруа матрос добавил масла в медные лампы, висевшие под черным от копоти потолком. Матрос хмыкнул и пробормотал по-французски фразу, которую можно было бы перевести примерно так: «Никогда ничего подобного не видывал». Уильям не знал этого замечательного языка и даже не подозревал, что ему придется его изучить.

– Итак, сэр, – начал главный конторщик, – на какой сумме вы договорились с продавцом?

Тут наступила заминка, о деньгах речь еще не шла. Это было так странно, что господа с перьями, выдавшие виды в своей практике, сочли позволительным переглянуться.

Мсье Леруа кинулся исправлять положение:

– Видите ли, господа, мы решили оставить обсуждение этого вопроса на последний момент.

Тогда судейский обернулся к мсье Жаке, хмурившему брови на дальнем конце стола:

– Какую сумму вы рассчитываете получить за свой корабль, благоволиите сообщить.

Владелец почему-то замялся.

Опять встрял Леруа:

– Полагаю, что сумма в пять тысяч фунтов мсье Жаке могла бы устроить. Ведь, согласитесь, «Веселый бретонец» стоит таких денег.

Представитель власти помолчал. На его просвещенный взгляд, корыто, являвшееся предметом торговли, вряд ли стоило и трех с половиной. Но он промолчал. Ниже станет понятно почему.

– Вы располагаете такой суммой? – обратился он к покупателю.

И тут Уильяму стало нестерпимо стыдно. Пяти тысяч у него в сундучке не было. Когда было три с двумя сотнями, а теперь и того не осталось.

– Что же вы молчите?!

К Кидду, держащему на коленях квадратный тисовый ящик с медной почерневшей ручкой, обратились пять пар заинтересованных глаз. У него горло перехватило от волнения, и он не в силах был вымолвить ни слова, ни звука. Трудно сказать, каким образом разрешилась бы эта неприятная пауза, когда бы не давешний матрос, подливавший масло в светильники. На этот раз он явился с подносом, на котором стоял массивный стеклянный штоф и с полдюжины оловянных стаканов. Мсье Жаке и мсье Леруа одновременно зашипели на него. Он лишь пожал плечами:

– Вы же сами велели, господин капитан.

– Кретин! – крикнул ему в ответ мсье Леруа.

Уильям опять-таки не понял смысла перебранки, но в душе у него зародилось некое сомнение. Он был еще не готов оформить его в слова какого-то вопроса... Его отвлек судейский чиновник, нервно дернувший его за локоть:

– У вас есть хоть какие-то деньги?

– Три тысячи фунтов.

Раздался всеобщий вздох облегчения. Леруа так просто просиял. Жаке вытер пот с широкого лба. Чиновники, как по команде, сняли парики.

– Вы согласны на эту сумму, господа?

– Да, – в один голос заявили французы.

А Леруа добавил, ласково улыбаясь Уильяму:

– О выплате остальных денег мы поговорим попозже возможно, наш партнер согласится поделиться частью своих доходов после первого или, скажем, пятого рейса.

Доверие Уильяма к этому человеку сделалось вновь незыблемым. Он был готов полюбить его. Какой великодушный человек, он готов ждать, когда придет время барышей. Отец будет доволен тем, что его беспутному сыну удалось свести такое ценное знакомство. О потраченных фунтах можно теперь не волноваться.

Судейский продолжил:

– Осталось пересчитать деньги и поделить пополам.

Счастливый Кидд добавил:

– И спрыснуть нашу сделку.

Но никто не поддержал это веселое предложение. Тогда Уильям встал и сам плеснул себе в стакан немного джина, так сказать, на правах нового хозяина. К немалому его удивлению, два француза и три англичанина остались сидеть на местах, причем глядя в глаза друг другу и не произнося ни единого слова.

– Как это «пополам»? – наконец выдавил из себя Франсуа Леруа.

– Так, – невозмутимо ответил старший чиновник и не торопясь надел парик на вытянутую, как яйцо, голову.

Уильям Кидд, новый владелец «Веселого бретонца», с явным любопытством наблюдал за этой сценой. Ему все еще не казалось, что она имеет к нему самое прямое отношение.

– Если вы думаете, господа, что вам все позволено на том лишь основании, что вы являетесь... – заревел, наливаясь кровью, мсье Жаке, но старший чиновник махнул на него рукой и досадливо поморщился:

– Берите полторы тысячи, если не хотите потерять все. Говорю совершенно серьезно, и даже, как вам это ни покажется невероятным, из симпатии к вам.

Молчавший дольше своего знакомого, мсье Леруа успел налиться кровью значительно сильнее его. Когда он встал, опираясь кулаками о столешницу, лицо его было темно-бордовым, в нем ничего не осталось от того веселого радушия, которое пленило легковверное сердце великовозрастного шотландского шалопаю.

– Но вы же согласились на пятьсот фунтов. Это и без того немислимые комиссионные.

Однако это возмущенное напоминание ничуть не смутило невозмутимых англичан. Один из них заметил:

– Мы соглашались на эти деньги, не зная точно, какая именно сумма может находиться в руках господина Кидда. Судя по его поведению, весьма странному поведению, он, я разумею сундук, мог вообще оказаться пустым.

– Как – пустым? – растерянно спросил Уильям, начиная догадываться, что попал в историю, которую трудно назвать приятной или веселой.

Никто не обратил внимания на его возглас.

Английский чиновник продолжил:

– Кроме того, возникли новые обстоятельства.

– Какие еще обстоятельства?

Судейский придвинул Уильяму лист пергамента:

– Распишитесь, сэр. Вот здесь.

Толстый желтый ноготь указал, где именно. В пальцах покупателя само собой оказалось заточенное гушиное перо, уже обмакнутое в чернила. Стакан с джином был как-то незаметно из этих пальцев вынут.

– Как же, господа...

– Расписывайтесь, расписывайтесь, господин владелец. Здесь, правильно, и вот здесь. Все. Процедура закончена.

Стакан с джином снова оказался в руке у обалдевшего Уильяма. Это все орудовал тот самый матрос. Он тихонько прошептал на ухо своему новому хозяину:

– Пейте, пейте.

Хозяин выпил и дальнейшую сцену наблюдал через слегка искаженное стекло быстро нарастающего опьянения.

– Я все же прошу объяснений, господа! – громко попросил мсье Леруа.

Англичане сворачивали пергаменты и поправляли парики. Булькал наливаемый в стакан Уильяма джин.

– Дело в том, что завтра на рассвете бристольский порт будет закрыт.

– Почему?

– Вы не догадываетесь?!

По губам англичан пробежали снисходительные улыбки, информированный человек всегда чувствует свое превосходство над пребывающим в неведение.

– Завтра в городе будет объявлено, что Англия и Франция находятся в состоянии войны.

Конечно же, после этих слов установилось молчание. Другой чиновник расшифровал слова, произнесенные коллегой:

– Ваш «Бретонец» будет арестован, а затем и конфискован. Это-то вы можете уразуметь? Вам нужно выйти из порта немедленно. Насколько мне известно, вы плаваете именно по французскому паспорту.

Мсье Леруа шумно сглотнул слюну:

– Как же мы выйдем, у нас ведь еще нет разрешения, мы должны его получить только завтра у капитана порта.

– Вот за то, чтобы избавить себя от этой неприятной и опасной процедуры, вы заплатите нам полторы тысячи фунтов. Теперь вам все ясно?

– Что значит – ясно? Какая еще война? Что вы все такое говорите?! – пьянея и трезвея одновременно, рванулся вперед Уильям Кидд.

Бдительный матрос удержал его за плечо. «Хозяин» рванулся сильнее, но это оказалось бесполезным.

– Ну что, будем пересчитывать денежки? – с неожиданной веселостью спросил судейский у мсье Леруа.

– Какого подвоха вы опасаетесь? – поинтересовался второй чиновник.

– Мне непонятно, почему решили ждать до утра, ведь завтра вы могли бы получить все три тысячи.

– Не важно, как их можно получить, важно, как их можно оставить у себя, – с обезоруживающей откровенностью было ему сообщено.

– Ведь вы, отплыв из Бристоля, заберете с собою не только полторы тысячи фунтов, но и этого джентльмена, большого специалиста по покупке кораблей. А нам останутся подписанные им бумаги, из коих следует, что он по доброй воле заплатил за право обладания вашим «Веселым бретонцем».

Мсье Леруа криво усмехнулся:

– Ладно, давайте разрешение на выход.

Судейский полез за обшлаг своего сюртука и, передавая разрешение, сказал:

– Учтите, комиссионный сбор за совершенную покупку, который следует выплатить в казну, будет взят с вашей суммы.

– Почему это?

– Война – очень дорогое дело, мы не можем оставить Англию без средств.

Уильям потрясенно выслушал этот диалог и вдруг воскликнул:

– А я?!

Глава 2

Три следующие недели Уильям Кидд провел как во сне. Правда, это был очень тяжелый сон, в котором приходилось непрерывно работать, страдать от недоедания и жажды, терпеть оскорбления и побои. Никаким весельем на борту «Веселого бретонца» и не пахло. Посудина была старая, ее то и дело требовалось латать, бороться с мелкими течами, для чего приходилось сутками сидеть в затхлом трюме.

Судя по всему, мсье Леруа (а именно он оказался капитаном французского парусника, в то время как мсье Жаке – боцманом) был не слишком удачливым флотоводцем. Человек со средствами не доводит свой корабль до такого состояния. Он сделался капитаном, возглавив бунт против прежнего владельца, занимавшегося вполне законным промыслом – транспортировкой чая и почты из ост-индских владений французской короны. Почувствовав настроение команды, которой надоело болтаться за гроши по морям и травиться гнилой солониной, он вошел в капитанскую каюту и выстрелил в лоб лейтенанту Дорсею, после чего собрал команду на совет. Там было решено поднять пиратский флаг и начать войну против испанского торгового флота.

Эйфория, обуявшая полсотни негодяев, составлявших команду «Бретонца», рассеялась довольно быстро. Выяснилось, что с двенадцатью пушками, имевшимися на борту, с безнадежно заросшим ракушками днищем бывшему почтовику не на что рассчитывать в столкновении даже с галионом средних размеров. Оставалось пробавляться нападением на всякую мелочь вроде одномачтовых шлюпов и медлительных галер, сохранившихся еще кое-где в Карибском море.

В таких делах добыча была немногим больше официального королевского заработка.

Это ввергло команду в уныние.

Леруа попробовал пристать к какой-нибудь пиратской флотилии, дабы стать участником большого совместного налета. Но выяснилось, что времена Моргана и Олоннэ миновали и пираты больше не решаются на крупные самостоятельные акции, предпочитая полной разбойничьей свободе жизнь за конных каперов, то есть грабителей, состоящих на службе у правительства.

Новоявленный капитан попробовал было пойти по этому пути, но вовремя сообразил, что делать этого не надо. Как бы он смог объяснить морским чиновникам французского короля, откуда у него корабль? И именно этот корабль. Тогда Леруа сделал последнюю попытку. Он решил предложить свою шпагу Вильгельму III, королю Англии. За этим он и прибыл в Бристоль.

Без единого сантима в кармане.

Ему удалось свести кое-какие знакомства в местной чиновничьей среде, и, будь у него деньги, он бы сумел обстряпать свое дело. Но денег, как уже говорилось выше, в наличии не имелось. А без взятки никакой чиновник и пальцем не шевельнет.

И тут мсье Леруа увидел на набережной пышно, но нелепо разодетого мужчину.

– Ну ты, судовладелец, ты почему еще не наверху?! – проревел Жаке, переворачивая висячую парусиновую постель Уильяма Кидда.

Тот свалился на грязный, заплесанный табачной жвачкой пол и больно ударился коленями. Он только что вернулся с вахты и едва успел заснуть.

– Марш наверх, иначе я оставлю тебя без сладкого! – под общий хохот пообещал боцман.

И Кидд, вскочив на ноги, начал карабкаться на верхнюю палубу.

Мир, видимо, так устроен, что люди ненавидят тех, кого они обманули. А может быть, и не так, может быть, это всего лишь судьба Уильяма такова – вызывать неприязнь и раздражение у тех, кого он, пусть и невольно, облагодетельствовал.

Каждый из членов команды получил по десять фунтов золотом из тех полутора тысяч, что были добыты из шотландского сундука Кидда, но все они возненавидели его. Десять фунтов – более чем годовое жалованье простого матроса.

Выбравшись наружу и побродив по палубе вперед-назад в поисках работы, ради которой его лишили сна, Кидд обнаружил, что никто его наверху не ждал.

Боцман, встретивший его на шканцах, рывкнул, доставая трубку изо рта:

– Что ты тут делаешь, баранья твоя голова? Отправляйся спать, твоя вахта после того, как пробьют три склянки!

Возвращение Кидда в кубрик было встречено новым взрывом смеха. Морякам было скучно, а тут бесплатный клоун.

«Веселый бретонец» обогнул уже мыс Доброй Надежды, Игольный мыс и вышел к восточному африканскому побережью. Никакой определенной цели у Леруа не было, он просто хотел убраться подальше от места возможных военных действий английского и французского флотов. Пусть они сражаются в Средиземном море и в Карибском бассейне, Леруа предпочитал оставаться в стороне. Встреча с любым военным кораблем, к какому бы из воюющих флотов он ни принадлежал, не обещала ему ничего хорошего. Он считал, что до Индийского океана военная волна докатится нескоро, если вообще докатится.

Пополнить запасы воды и пищи он собирался или на западном берегу Мадагаскара, где жили скотоводы из племени сакалава, или на одном из Коморских островов, лежащих на севере Мозамбикского пролива. Сверх этого было известно – на Коморах любят гнездиться местные пираты; вступить в союз с кем-нибудь из них было заветной мечтой капитана Леруа.

Боцман Жаке этот расплывчатый план в общем поддерживал, то же самое можно сказать и о Пиресе (матросе, поившем Уильяма джином). Кое-кому столь длительное путешествие было не по нраву: многим слишком хорошо запомнилась эта дорожка по прежним изматывающим плаваниям. Но пока было вдоволь еды, воды и рома, недовольные предпочитали помалкивать.

Уильяму Кидду было все равно. Его взгляд в будущее не распространялся дальше ближайшего приема пищи, его страх перед завтрашним днем равнялся страху перед очередной вахтой.

Размеры произошедшего с ним несчастья полностью подавили малейшую способность к рассуждению. Не мог он и мечтать о чем бы то ни было. Прежний мир был для него потерян безвозвратно. Отец никогда не поверит, что Энтони умер сам, он решит, что это он, Уильям, убил его, затем купил корабль и бежал из Англии.

Возвращение настолько невозможно, что и не нужно.

Прежняя жизнь, полная незамысловатых провинциальных утех, рыбалок, пастушек, мечтательных гуляний и беззаботных попок, постепенно, но решительно выветривалась из его сознания. Нет, не выветривалась – это неверно сказано. Она окукливалась, как личинка бабочки, чтобы храниться в заповедных глубинах души до каких-то неведомых сроков.

В силу того что он обладал от природы довольно крепким здоровьем, ему удалось отчасти свыкнуться с физическими сложностями своего нового существования. Что касается всеобщих насмешек и издевательств, то их он почти не замечал. Не в совершенстве зная французский язык, он был неуязвим для тонкостей французского острословия.

Он не знал, что капитан Леруа всерьез подумывает над тем, чтобы избавиться от него. С точки зрения Леруа, это было бы весьма логично. Кидд был свидетелем, правда, трудно было представить ситуацию, при которой его показания против своего нынешнего капитана могли бы сделаться опасными. Но даже если есть один шанс из тысячи, зачем давать противнику этот шанс. Можно было бы подумать, что шотландец представляет ценность как матрос. Так нет. Этим мастерством Кидд овладевал крайне медленно и после месячного плавания с трудом отличал рею от шкота, а бом-брам-стенгу – от салинга.

Жаке несколько раз предлагал капитану избавиться от лишнего едока, Леруа соглашался с ним, но дело откладывалось, мешали какие-то неожиданные события и обстоятельства.

Уильям и не подозревал, как близко он находился к краю пропасти все эти дни.

Однажды дело уже дошло до того, что принесли мешок, в котором отправляют корабельных покойников на смертельную прогулку.

– Залезай! – скомандовал Жаке.

Шотландец привык выполнять команды этого человека с первого раза и совершенно безропотно. Подчинился он и сейчас.

Процедура застопорилась: оказалось, забыли принести веревку, чтобы завязать мешок.

Пирес пинком отправил одного из конголезских негров, находившихся на борту в трюме, за подходящим куском тонкого пенькового каната.

Уильям, не имея ни малейшего представления о сути происходящего, спокойно ожидал конца представления, чтобы отправиться спать.

Помахивая пеньковым вервием, кривоногий боцман подошел к нему вплотную и остановился, раздувая ноздри.

– Сядь! – приказал он.

«Зачем это ему нужно?» – вяло подумал измотанный вахтой Кидд и опустился на колени.

Пирес ловко поднял края мешка, радуясь, что шотландец не оказывает никакого сопротивления. Жаке умелым движением затянул петлю – чувствовалось, что заниматься подобными вещами ему приходилось в жизни неоднократно.

Дело происходило на шканцах, в присутствии всей команды, на чем настоял Леруа. Избавление от человеческого балласта, коим являлся Кидд, он решил превратить в своего рода воспитательное мероприятие. Пусть недовольные посмотрят, как капитан расправляется с теми, кто ему просто не нужен, и подумают, какая ждет участь тех, кого он сочтет для себя опасным.

Команда наблюдала за происходящим в мрачном молчании. Никто, разумеется, не думал о человеке, сидящем в мешке. Все прикидывали варианты своего собственного будущего.

Уильяму было неудобно и душно. Но он знал, что выражать свое возмущение опасно. Могут надавать палками по бокам. Нужно немного потерпеть, и его под общий хохот выпустят наружу. Пусть смеются, ему не жалко.

Вдруг над головой, с высоты, раздался невразумительный крик, на секунду установилось молчание, а потом загрохотали бесчисленные каблуки по доскам палубы. Звуки шагов разбегались в разные стороны от мешка и ссыпались в носовой и кормовой люки. Уильям почувствовал, что палуба опустела.

Странно.

Но на этом все не закончилось.

Над мешком прозвучало несколько командных криков капитана Леруа. Заскрипели справа и слева канаты, послышался уходящий в высоту гул. Это грот-мачта, понял Уильям. Под тяжестью полного парусного вооружения она напрягается, как толстая струна.

Раздалось несколько ударов по бокам корабельного туловища. Некоторое время пленник мешка пребывал в недоумении, а потом сообразил, что это откидываются ставни оружейных портов.

Грот-мачта продолжала петь, звук ее начал как бы искривляться, и вслед за этим слегка накренился и мешок Уильяма. Это означало, что на мостике резко положили руля к ветру и «Веселый бретонец», вылавливая парусами не слишком устойчивый боковой ветер, начинает какой-то решительный маневр.

На палубе опять простучали чьи-то каблуки, они с панической скоростью пронеслись от кормы к носу.

Прозвенел хрипловатый корабельный горн, как будто застарелый курильщик кашлянул два раза. И тут же началось «землетрясение»: палуба под мешком закачалась больше обычного, а грот-мачта как бы слегка подпрыгнула от восторга, едва удерживаясь своими корнями в теле корабля. До ноздрей мешочного жителя дошел резкий, чуть сладковатый запах дымного селитрового пороха.

«Бой!» – понял Уильям и почему-то обрадовался.

Радость его была недолгой. Он услышал отдаленный пушечный гул, и почти сразу же вслед за этим его шарахнуло по голове куском такелажного дерева, прилетевшим откуда-то сверху. Это ядро противника разнесло в щепы одну из рей грот-мачты.

Уильям Кидд потерял сознание и перестал быть активным участником происходящих событий.

А имело место вот что.

За секунду до того, как несчастному шотландцу предназначено было отправиться в пучину морскую, впередсмотрящий «Веселого бретонца» увидел на горизонте корабль и громко известил об этом капитана и команду.

Леруа, взбежав на мостик, велел подать подзорную трубу. Хотя и оцарапанную, но весьма зоркую. Бросив в нее один опытный взгляд, он тут же обнаружил на траверзе своего корабля некое странное плавучее средство. Громадный деревянный остов с одной фок-мачтой. Вне всяких сомнений, этот путешественник или претерпел жестокий шторм, или подвергся жестокому нападению. И то и другое было на руку Леруа. Он мгновенно понял свою выгоду в данной ситуации и приказал готовиться к бою.

И Жаке, и все прочие в мгновение ока поняли капитана. Для хищника нет ничего более приятного на свете, чем незащищенная добыча.

Подняв все паруса, запалив пушечные фитили, «Веселый бретонец» решительно двинулся на незнакомца.

– Вывесить красный флаг? – спросил Пирес.

Леруа отрицательно покачал головой, не отрываясь от своей трубы:

– Зачем мы будем предупреждать их о наших намерениях?

По тогдашним каперским правилам, судно, идущее на абордаж, обыкновенно вывешивало красное полотнище.

– Пусть они догадаются о них, когда мы всадим абордажные крючья в их палубу.

Леруа руководила не только его абсолютная бессовестность, но и трезвый расчет. Израненный корабль выглядел подлинным гигантом.

Три пушечные палубы.

Не менее восьмидесяти пушек.

Стало быть, сотни полторы сабель и мушкетов, не считая прочей многочисленной команды.

Имея не более шести дюжин вооруженных людей, в данной ситуации глупо играть в благородство.

Леруа вспотел от возбуждения: за столько месяцев бесплодных скитаний по морям наконец-то судьба дает ему в руки шанс. Настоящий шанс. Одна корабельная казна такого судна может представлять собою целое состояние.

– Корабль под флагом Ост-Индской компании! – громко объявил капитан, и Жаке и Пирес понимающе переглянулись.

– Антуан, положи руля к ветру! Канонирам держать фитили. Трубача сюда!

Все команды выполнялись толково и молниеносно. Капитан поднял руку, не отрываясь от окуляра:

– А-а, забегали!

На одномачтовом гиганте наконец поняли, чем угрожает им стремительное приближение небольшого нагловатого парусника. Предстоит еще одно сражение.

Может быть, еще более жестокое, чем то, что разрушило их корабль.

– Огонь!

Все пять пушек правого борта стреляли по верхней палубе – обычный корсарский прием. Стремление уничтожить живую силу противника, способную помешать успешному осуществлению абордажа.

Артиллеристы регулярного флота, если нет особой команды, стреляют по корпусу вражеского корабля, стараясь его затопить.

Леруа сам повел своих людей в атаку. Ответные выстрелы вестиндца сделали в бортах «Бретонца» несколько пробоин, впрочем, не слишком опасных.

Решительному ревущему навалу корсаров противостояло довольно большое количество вооруженного народа, при этом довольно слабо организованного.

Все силы защищающихся были растрчены в прошлом бою, и у них не осталось настоящей воли к сопротивлению.

Кроме того, насколько можно было судить, у них не имелось единого командования. Кроме мушкетеров в красных мундирах королевской пехоты мелькали странные люди в синих кафтанах и желтых шароварах с изогнутыми клинками. На головах у некоторых были белые чалмы.

Мусульмане защищали корму, где обычно располагаются каюты высокопоставленных пассажиров и капитана. Несмотря на пыл боя, Леруа сообразил, что именно туда нужно направить главный удар.

Французский мошенник оказался великолепным фехтовальщиком. Белые тюрбаны налепали на него, оскалив зубы и вопя какие-то устрашающие обещания, но это им не помогало, так же как их кривые сабли. Обыкновенная толедская шпага – самый короткий путь к вражескому сердцу.

Оставив на усыпанной мусором и залитой кровью палубе пять или шесть трупов в желтых шароварах, Леруа пинком тяжелого ботфорта ударил в высокую решетчатую дверь, закрывавшую путь в большую каюту.

На пол посыпалось цветное стекло.

Навстречу ринулся еще один свирепый охранник.

Ему досталась пуля из пистолета, попавшая прямо в вопящий рот.

В каюте был полумрак. В наклонные решетчатые окна падал тусклый свет. На столе было не убрано: остались следы недавней попойки. Перевернутые бутылки, расколотые тарелки, лежащие на боку подсвечники.

И никого.

Но кто же тогда стонет?

Леруа осторожно прикрыл дверь, ведущую на палубу, – шум боя сделался тише. Стоны – слышнее.

Но откуда они идут?!

В каюте никого нет.

Никого!

А-а! Вот оно что.

Леруа подошел к большому посудному шкафу в стене, противостоящей входу, и внимательно осмотрел его. Один край его был слишком утоплен в стену, другой, соответственно, слишком выпячен. Леруа навалился плечом на тот, что был утоплен, надавил. Шкаф стал со скрипом поддаваться.

Образовался проход.

Француз протиснулся в него. И обнаружил, что рядом с большой каютой имеется другая, потайная. Никогда ни с чем подобным ему сталкиваться не приходилось. Но не этот факт произвел на корсара самое сильное впечатление.

Он увидел человека, одетого в богато расшитый халат, залитый кровью, которая недавно текла из выбитого глаза.

Но и не в человеке, явно родовитом, было дело. А в сундуке, служившем умирающему ложом.

Сундук был длиной футов пять, окованный широкими медными полосами, и украшен тяжелым висячим замком.

Леруа плотоядно улыбнулся в ответ на улыбку судьбы. Он увидел ее в этом сундуке.

Это романтическое свидание один на один с сундуком продолжалось недолго. Леруа даже не успел обдумать создавшуюся ситуацию, как ситуация изменилась. За спиной раздались крики, грохот каблуков по битым стеклам, усыпавшим пол, задыхающиеся от волнения и алчности голоса.

В каюту втиснулись Жаке, Пирес и пара негров, от которых едко пахло потом, своей и чужой кровью.

Увидев картину под названием «сундук и мертвец», они затихли, видимо, мысленно представляя размеры богатства, свалившегося на их головы.

Один из негров спросил:

– Кто это?

От бессмысленности такого вопроса все разом расхохотались и начали стаскивать умирающего с сундука на пол. За время этого короткого путешествия он превратился в мертвеца и уже ни за что не смог бы ответить на вопрос любопытного негра.

Пирес выстрелил из пистолета в замок.

Жадные пальцы откинули крышку. И стон счастья сотряс тело дважды побежденного корабля.

Леруа первым пришел в себя:

– Сундук немедленно доставьте на «Бретонца».

– Есть, капитан.

– Найдите кого-нибудь из команды, кто бы мог объяснить нам, кого, собственно, мы сегодня взяли на бордаж.

– Есть, капитан.

– Кого-нибудь из мусульман, поняли?

– Поняли, капитан.

– Того, кто одет получше.

– Понятно, капитан.

– Жаке, ты займись пороховыми погребями, через полчаса после нашего отплытия эта посуда должна пойти на дно.

– Есть, капитан.

Большая каюта опустела.

Одни потащили ящик с золотом, другие помчались выполнять приказания Леруа.

Он сам почему-то задержался.

У него появилось ощущение, что не все еще сделано.

Что?

Он не мог ответить на этот вопрос. Но чувствовал, что, если уйдет отсюда, не выяснив, впоследствии будет жалеть.

Сильно ли?

Кто его знает...

Леруа прошелся по каюте. Заглянул под стол, пнул кусок стекла, поблескивавший на полу. Еще раз заглянул в потайную комнату за каютой. Некоторое время внимательно смотрел на одноглазый труп мусульманина.

Что-то в нем, в трупе, было не так.

Может быть, он еще жив?

Чушь.

Но надо его обыскать.

Леруа поморщился. Он умел и любил убивать, но не выносил возиться с трупами.

Тем не менее он опустился на колени перед телом, внимательно ощупал халат, шаровары, голенища красных сапог. Осмотрел валявшуюся рядом чалму.

Нет, ничего интересного.

Леруа встал, чтобы отправиться вон. Тем более что его уже звали. Но тут взгляд его остановился на физиономии мертвеца. И даже не на всей физиономии, а на губах. Какой-то у них странный овал. Ненормальные очертания.

Тут же ему вспомнились стоны, по которым он нашел потайную комнату.

Ах вот оно что!

Он еще не знал, что именно, но уже был уверен, что стоит на правильном пути.

Снова встал на колени, достал из-за пояса кинжал и медленно вставил между зубов мертвеца. Окопчение еще не началось, поэтому челюсти не оказывали сопротивления.

– Капитан! – раздался голос кого-то из его команды. Челюсти разошлись, открывая...

– Капитан!

Вбежав в потайную каюту, негр обнаружил стоящего над мертвецом Леруа с ножом в правой руке и чем-то зажатым в левой.

– Что это, капитан?

– Где?

– В той руке? – по инерции спросил негр, уже понимая своим недоразвитым мозгом, что этого вопроса задавать не стоило. Он правильно понимал. Капитан Леруа одним, почти неуловимым, движением воткнул ему лезвие ножа под левый сосок.

Глава 3

Победа над инвалидом из эскадры Ост-Индской компании далась французам нелегко. Более трети людей было убито или тяжело ранено, что в условиях тропического климата было одно и то же. Правда, потери скорее радовали капитана и остальных членов команды, чем расстраивали. Доля живых возрастала. Хуже было то, что пострадал сам «Веселый бретонец». Пробоины, причиненные последними предсмертными выстрелами англичан, оказались не столь безобидными, как показалось в первый момент.

– Они выше ватерлинии, но совсем немного, – мрачно сообщил Жаке, держа на перевязи правую руку, проколотую вражеской шпагой. – При малейшем волнении мы начнем зачерпывать воду.

– Возьми людей и заделай, – приказал Леруа.

Жаке медленно повернул голову к капитану. Он был удивлен. Зачем давать такие глупые советы? Леруа не мог не знать, что заделать такие пробоины можно только на берегу.

Разговор происходил при полном собрании команды, как было принято по законам берегового братства, как называли себя карибские пираты. Каждый член команды имел право принимать участие в решении своей участи.

Вопрос стоял один: что делать дальше?

Леруа снял шляпу, вытер пот со лба рукавом потной рубахи и обвел взглядом собравшихся:

– Благоразумнее всего было бы поделить это золото (ящик стоял на палубе) и немедленно лечь на обратный курс.

Толпа измазанных кровью и пороховой копотью корсаров одобрительно загудела. Делить они любили и обратный курс явно предпочитали всякому другому.

– Но вы сами видите, что это невозможно.

Толпа опять загудела – в том смысле, что невозможно, но очень хочется.

– У нас остается один разумный выход.

Леруа снова вытер пот. Было видно, что он напряженно размышляет по ходу своего выступления. У него не было никакого заранее подготовленного плана, но он не хотел бы это показать.

Жаке понял это лучше других.

– Говори, капитан.

– Нам нужно пристать к берегу и заделать пробоины.

Боцман понимающе хмыкнул и протянул свою трубку одному из оставшихся в живых негру, с тем чтобы тот набил ее и прикурил.

– Это мы и сами понимаем, капитан.

Леруа надвинул шляпу на глаза и из-под ее полей бросил на своего слишком пронизательного боцмана откровенно неприязненный взгляд. Тот ничуть не испугался, он понимал, что капитан сейчас обдумывает, как бы ему обмануть команду и присвоить себе все добытое золотишко. Поймав Леруа на этом намерении, Жаке, учитывая его авторитет, вполне мог сам стать капитаном. Любая смена власти происходит под лозунгами восстановления справедливости. Человек, борющийся за справедливость, впоследствии имеет возможность попирать ее некоторое время на вполне законном основании. Время достаточное, чтобы набить собственный карман.

Вряд ли кривоногий боцман заходил в своих планах так далеко, вряд ли они мыслились им в столь витиеватых выражениях. Одно несомненно – он почувствовал, что настает его час. Зная жадность Леруа, он был уверен, что тот сейчас начнет плести интригу, жертвой которой и станет.

– Вас всех интересует, что делать с этим золотом, как с ним поступить?

Раздались многочисленные крики, из них следовало, что именно об этом все непрерывно и думают.

– Что ты предложишь, капитан?

Глядя на улыбающегося, покуривающего Жаке, Леруа громко произнес:

– Я предлагаю поступить с ним по закону.

– Какому закону? – насторожился боцман и вытащил трубку изо рта.

Леруа усмехнулся:

– По закону берегового братства.

Этот закон был известен не всем, поэтому Пирес счел нужным пояснить:

– Закон гласит, если не было специального договора, то капитан получает две пятых всякой добычи. Помощник – одну двадцатую. Когда он является к тому же штурманом, то одну десятую. Одну двадцатую получает и главный канонир.

Пирес замолчал, что вызвало неудовольствие капитана Леруа:

– Ты не все сказал. Оставшиеся деньги делятся поровну между всеми матросами, оставшимися в живых. Раненые получают полторы доли.

Жаке уже понял, к чему ведет Леруа, и поэтому решил перехватить инициативу:

– Боцман получает две матросские доли, а в случае ранения – три.

Леруа встал с бочонка, на котором сидел:

– Все удовлетворены таким дележом?

Довольное гудение было ему ответом. Еще бы – по самым скромным прикидкам, каждый из этих негодяев мог получить чуть не по пять тысяч ливров. На эти деньги можно было спокойно начать дело на родине, купить таверну или хороший виноградник и навсегда забыть о южных, западных и прочих морях.

Всеобщее веселье прервал Жаке:

– Заткнитесь, скоты!

Галдеж сделался умереннее, в тоне матросов появилась нотка недоумения: что ему нужно, этому кривоногому?

– Вы что, хотите сказать, что я должен получить долю боцмана?!

Установилось молчание, полное напряжения, как всегда бывает перед переделом собственности. Все уже свыклись со своими деньгами, а теперь, кажется, появился человек, который будет требовать отказаться от их части.

– Разве я плавал на правах боцмана, а?! Разве я не имею права на долю помощника?!

Всеобщее недовольное молчание было ему ответом. С одной стороны, все были готовы признать, что Жаке был более чем боцманом, что боцманом его называли по инерции, потому что он состоял в этой должности при прежнем хозяине, но... Доля помощника в пять раз больше доли боцмана.

Жаке в ярости повернулся к Леруа:

– А ты, ты что, не признаешь меня своим помощником? Отвечай!

Капитан улыбнулся той очаровательной улыбкой, что подкупила в свое время в бристольтском порту несчастного Уильяма Кидда (он, кстати, все еще находился в мешке: никому не пришло в голову вспомнить о нем).

– Признаю.

Ожидавший отпора Жаке поперхнулся.

– Ты хочешь взять долю помощника – бери. Может быть, ты хочешь прибавить к ней долю штурмана – пожалуйста. Хотя, по правде, штурманом скорее можно назвать меня. Ты не можешь отличить секстант от буссоли.

Пропустив мимо ушей оскорбления, Жаке спросил, набычившись:

– Так ты отдаешь мне долю помощника?

– Такими вещами я распорядиться не могу, пусть скажет команда.

Это был страшной силы ход.

Обернувшись к команде, боцман увидел непроницаемые, мрачные лица. Никто не хотел признавать помощника помощником и платить ему жалованье из своего кармана.

– Вы что, негодяи! Вы забыли, кто я такой?! Вы забыли, кто такой Жаке?!

Теряя чувство реальности, боцман распался все больше и больше. Он двинулся к плотному строю корсаров, широко и громко ставя на палубу мощные башмаки. Раньше от одного его вида эти головорезы начинали трепетать. В этот раз все было по-другому. Никто не шевельнулся.

Чувствуя, что надо применить более сильные аргументы, чем словесные угрозы, Жаке отбросил в сторону свою дымящуюся трубку и выхватил из-за пояса пистолет. Вытащил и начал поднимать, раздумывая, кому бы первому всадить пулю в лоб.

Ему не довелось это сделать.

Удар ножа пришелся ему прямо между лопаток.

Боцман сначала широко открыл рот, как будто от удивления, а потом упал лицом на палубу.

Пирес, совершивший этот античный подвиг, развел руками и пробормотал какую-то французскую поговорку. Очень многие из них подходят к подобному случаю.

Леруа оценил оказанную услугу. «Первым становится тот, кто соображает первым», – мог бы он ответить Пиресу. Вслух были произнесены другие слова:

– Помощник умер, да здравствует помощник!

Команда наблюдала за этой сценой с мрачным вниманием. Матросы рады были избавиться от Жаке и его притязаний на их деньги, но их не восхитило то, каким образом это произошло.

– Да, я назначаю Пиреса своим помощником. Но поскольку он избавил нас всего лишь от боцмана, то и получит он боцманскую долю. Золото мы поделим, как только пристанем к берегу. Мы могли бы сделать это немедленно, но нам лучше убираться подальше от этого места. Нам может встретиться конвой, которого не могло не быть у такого корабля.

Мрачная атмосфера рассеивалась бы долго, когда бы не Уильям Кидд. Трубка убитого боцмана отлетела как раз к его мешку и тлеющим жаром прожгла парусину.

В унылой тишине раздался истошный вопль.

Мешок немедленно развязали.

Когда на свет появилась рыжая всклокоченная голова Кидда, все начали смеяться.

Бухта выглядела привлекательно. Широкая полоса почти белого песка, шеренга невысоких холмов, поросших густой тропической растительностью, небольшой пресноводный водопад на сиреневой щеке отвесной скалы, нависшей почти над самым пляжем.

Самое главное – берег выглядел абсолютно необжитым, песчаная оторочка бухты была девственно чистой, над холмами не поднималось ни единого дымка. Значит, это место не посещается мореходами и поблизости нет местных дикарей.

«Бретонец» очень медленно, промеривая лагом каждый фут, полз к берегу. Дно бухты выглядело мирным – ни резких коралловых выступов дна, ни скальных гряд, ни чего-нибудь другого в этом роде. Вода казалась удивительно прозрачной, и вокруг корабля суетились стайки мелкой рыбешки на фоне светлого, устланного песчаными волнами дна.

Пока матросы бегали с шестами вдоль бортов и медленно подталкивали корабль к берегу, капитан беседовал с одним из пленников, захваченным по его приказу. Обликом этот человек был индус, облачением – мусульманин, происхождения, несомненно, высокого. Об этом говорили и остатки его облачения, и манера держаться.

– Так ты говоришь, что тебя зовут Базир?

– Базир аль-Мульк ибн Руми.

- Ты носишь арабское имя, хотя видом индус.
 - Мои предки родом из Сурата, они приняли истинную веру сто лет назад.
- Леруа зевнул. В сущности, ему было глубоко плевать, кто, когда и во что уверовал.

- Что ты делал на корабле, который мы захватили?
- Я сопровождал груз.
- Какой?

- Ты же захватил корабль, почему сам не посмотрел?

Леруа поморщился, он был не расположен сердиться. Вообще-то, нужно было бы пройтись плетью по ребрам этого говоруна, но лень вставать, приказывать. Отрывать матросов от их интересного занятия.

- Что вез этот корабль и куда?
- Ткани, пряности, драгоценное дерево и чай. Мы направлялись в Лондон.
- Были ли на борту какие-нибудь знатные особы?
- Мне об этом ничего не известно.

Леруа отхлебнул из бутылки, что стояла у его правого сапога, и сплюнул. Он ненавидел привкус ямайского рома.

- Чей же труп я тогда нашел в большой каюте? Очень, очень богато одетый господин.
- Базир едва заметно побледнел.

- Наверно, это был хозяин груза, шейх Али Мухаммед.
- Ты состоял при нем, но ничего не знал о его существовании, да?
- Я не состоял при нем, клянусь знаменем пророка.

– Очень красивая клятва. Но чтобы я тебе поверил, потрудись объяснить мне, чем ты занимался на борту этого корабля. Как, кстати, он назывался?

- «Порт-Ройял».
- Ну?

– Я не состоял при купце Али Мухаммеде. Я поставлен от двора Великого Могола надзирать за торговлею в Сурате.

- Так ты сам по себе важная персона!

Базир отрицательно покачал головой:

– Нет. Таких, как я, в Сурате несколько дюжин. Главный надзиратель – вот важная персона.

– А такие, как ты, сопровождают отдельные корабли, когда они везут особо ценные грузы. Я правильно понял?

Надзиратель неохотно кивнул:

- Да.
- Что же ценного было на этом «Порт-Ройяле»?
- Я уже говорил: пряности, ткани, ароматическое дерево – это все ценные товары...

Леруа снова отхлебнул из бутылки, не переставая при этом иронически поглядывать на собеседника. Капитан сидел под навесом, сооруженным из остатков паруса, а допрашиваемый томился на солнце, и по его лицу медленно ползли мутные ручейки.

– У тебя должно быть с собою письмо от Великого Могола, насколько я знаю. Там написано, что именно за груз везет корабль, правильно?

- Письмо сгорело, – упавшим голосом сказал Базир и глубоко вздохнул.
- Точно ли оно сгорело?
- Клянусь...
- Знаю, знаю, знаменосцем и все такое. Я вот что хотел у тебя спросить...

Француз остановился и мечтательно зажмурился.

Мусульманин напрягся в ожидании вопроса.

- Скажи, что это за звезда у тебя на лбу?

В самом деле, на лбу у Базира белел интересной формы шрам, напоминающий многоконечную звезду. Он был нечувствителен к загару и смотрелся вызывающе на почти черном лице суратского надсмотрщика.

– Два года назад меня поразила болезнь бихару, меня сжигало на внутреннем огне, а на лбу вырос огромный нарыв. Я должен был умереть.

– Бихару так бихару.

В этот момент дно «Бретонца» закрипело по песку. Матросы разом закричали, подбадривая друг друга. Нужно было сделать последнее усилие, чтобы подвести корабль как можно ближе к кромке прибоя. Меньше придется тратить сил, вытаскивая впоследствии на берег.

Базир расслабился, ему показалось, что самое опасное место в разговоре позади. Леруа его разочаровал:

– Знаешь что, Базир ибн, и как там тебя еще. Мне придется отлучиться сегодня. Тебя я прошу помалкивать во время моего отсутствия.

– О чем помалкивать?

– В основном о той бумаге, которая сгорела. Она правда сгорела?

– Да.

– Так вот, никому не проговорись о том, что в ней было написано. Даже если тебя будут спрашивать напрямую. Даже если тебя станут пытаться. Ты меня понял?

Нужно было видеть гримасу ужаса, искажившую лицо мусульманина.

– Ты меня понял?!

– Понял.

– В твоём молчании твоя жизнь. Когда я вернусь, мы с тобой еще поговорим. У меня есть еще вопросы.

Капитану явно не хотелось откладывать разговор, но другого выхода не было. Сейчас, едва вытаскив корабль на берег, команда потребует дележа. Тут не до разговоров.

Так и произошло.

Место дележа устроили под ближайшей к берегу пальмой. Выбрали весовщиков. Принесли весы с потертыми кожаными чашками. Затем ящик с монетами.

Бородатый марселец, выбранный старшим весовщиком, торжественно откинул крышку. Золото вывалили на расстеленный на песке парус.

Кто сказал, что золото блестит?

Оно лежало тусклой, угрюмой горой и излучало тревогу. Лица взирающих на него были сосредоточены, в глазах – ни искры радости.

Вдруг угол паруса зашевелился, вздыбился, руки корсаров сами собой схватились за оружие.

Но это был всего лишь краб, задумавший именно в этот момент выбраться на свет божий. Он выбрался и тут же погиб.

Кинжал Пиреса поразил его так же, как Жаке.

– Начинайте, – сказал помощник капитана, поднимая за клешню наглого нарушителя.

Леруа потребовал, чтобы первым оделили его.

– Две пятых – капитанская доля. Сыпайте монеты обратно в сундук.

Когда работа была закончена, Леруа сказал:

– Со мной пойдут двое.

– Куда? – поинтересовался помощник. Капитан усмехнулся:

– Туда, куда я скажу. Ты, – дуло предусмотрительно вынутого из-за пояса пистолета было наведено на стоявшего с краю негра, – и ты, шотландец.

– А как же моя доля? – трагическим голосом поинтересовался черный.

Леруа взвел курок:

– Они тебя не обделят, поверь мне.

– А меня? – поинтересовался Уильям.

– Тебя-то – само собой разумеется! – широко улыбнулся Леруа.

В который уж раз эпизод с рыжеволосым дураком разрешил ситуацию. Только негр продолжал причитать и хватать за руки стоящих рядом. Он просил их позаботиться о нем, не забыть о его подвигах, о том, как он жертвовал собой, как старался.

– Не бойся, – сказал ему капитан, – я сам о тебе позабочусь.

Пирес усмехнулся. Леруа не обратил на него внимания.

– Берите сундук, иначе, клянусь... знаменосцем пророка, – Леруа отвратительно усмехнулся, – я всажу вам по пуле в брюхо, ну!

Черный и рыжий взяли за ручки полупустого сундука и побрели вдоль по берегу, утопая ногами в горячем белом песке. Леруа некоторое время шел за ними спиной вперед, держа в каждой руке по пистолету.

– Всякий, кто попробует проследить за мной... Впрочем, что я говорю, вам сейчас будет не до этого.

Леруа собрал отдающую ромом слюну и смачно сплюнул. Они прошли по песчаному пляжу не более сотни шагов, когда Леруа велел им свернуть в джунгли.

Никто не посмел последовать за ними, никто даже не смотрел в их сторону. Все были заняты делом более интересным. Убедившись, что опасаться нечего, Леруа сам нырнул в заросли.

– Быстрее, быстрее, – командовал он, – нам нужно как можно скорее уйти от берега. Я не верю этим скотам. Клянусь потрохами Олоннэ, кто-нибудь из них уже крадется по нашему следу. Быстрее!

Негр и Кидд только тяжело дышали в ответ.

– Быстрее, и внакладе вы не останетесь. Не пожалеете, что пошли вместе со мной.

Заросли сомкнулись над их головами, и приходилось продвигаться в полумраке. Над головами наподобие злых духов переговаривались птицы. Их не было видно, потому что они гнездились по ту сторону кроны, на освещенной ее стороне.

Шли по пояс в траве, напоминающей папоротник, но только очень пахучей. Вообще, пахло довольно сильно и незнакомо. Сырые, как бы тленные, но одновременно чуть сладковатые запахи окружали носильщиков и капитана.

Леруа, как водится, смотрел в оба. В оба глаза и в оба ствола. Несмотря на то что все развивалось точно по его плану, он был чем-то недоволен.

Его терзали неприятные мысли. Он вспоминал о поведении Пиреса в момент своей стычки с Жаке, и ему начинало казаться, что парень оказал ему услугу не просто так, а с каким-то умыслом. Надо бы по возвращении к нему присмотреться. Эти молодые негодяи опережаются быстро. Став помощником, человек тут же начинает себя спрашивать: а почему я не капитан?

Негр первым выбился из сил. Он рухнул на колени, уронив ящик на землю.

Внутри что-то тяжело звякнуло.

Негр громко простонал – подбежавший сзади капитан ударил его сапогом в крестец:

– Вставай, уже немного осталось.

Капитан врал, он еще не заметил ничего такого, что напоминало бы место для захоронения клада.

Что его вообще заставило задуматься о таком захоронении? И Пирес, и остальные сочли его поведение глупостью. Зачем зарывать деньги в землю, когда можно было спокойно взять их во Францию?

Две недели на ремонт, три на плавание – вот и все препятствия. Риск нарваться на какой-нибудь английский корабль, конечно, есть, но разве бывают морские путешествия без риска?

Леруа упорно гнал своих матросов вверх по отлогому, бурно поросшему всякой тропической дрянью откосу.

«Папоротники» кончились, пошли кусты с длинными узкими листьями, у которых были пилообразные края. Они цеплялись за одежду и выстреливали целые облака насекомой шелухи.

Кидд вдруг вскрикнул, из-под правого сапога рванулось в сторону что-то живое. Рассмотреть, что именно, ему не удалось. Тут же, как будто заметив это происшествие, заухал какой-то местный филин.

– Тише, – прошептал капитан, указывая пистолетом влево.

Носильщики остановились, с них бурно катились потоки пота.

Там, куда указывал капитанский пистолет, действительно кто-то был. Возился в кустах, шумно дышал, отдувался.

Кидд представил себе, что это крадется через джунгли их толстяк-канонир с пистолетом и абордажной саблей, чтобы подсмотреть, куда это они тащат капитанские сокровища.

Леруа, видимо, представилось нечто похожее, потому что он неприятно ослабился и стал на цыпочках подкрадываться к тому кусту, за которым слышалось сопение.

– Выследили, – шептал он, – выследили.

Он выставил вперед оба пистолета и прищурился.

Вовремя! Из куста с громким треском выскочило четвероногое существо и, удивленно хрюкнув, исчезло в кустах напротив.

Капитан расслабленно опустил пистолеты и вытер со лба холодный пот. У него не было сил, чтобы усмехнуться, и он лишь смог хрипло скомандовать:

– Вперед, дармоеды!

Кидду казалось, что джунглям этим не будет конца, что чем дальше, тем они будут становиться гуще и страшнее. Все произошло по-другому.

Заросли начали редеть и вскоре почти полностью расступились. Перед корсарами предстала белая ноздреватая каменная стена. По ней сбегал вниз небольшой водопад и закипал в выдолбленной каменной чаше, прежде чем отправиться в последний путь вниз, к океану.

Кажется, это был именно тот водопад, который они увидели, войдя в бухту. Так подумал Кидд.

Капитан велел остановиться, а сам начал осматриваться. Первым делом он определил, не видно ли их с берега или от корабля.

Нет. Верхушки мачт едва поднимались над кронами тропических деревьев, окружавших белую стену.

Леруа подошел к водопаду и напился. Потом позволил сделать это своим носильщикам. Прошелся вдоль стены, перепрыгивая с камня на камень. Присматривался. Морщил лоб, скреб висок дулом пистолета.

Из того факта, что он не захватил с собой ни лопаты, ни кайла, можно было сделать вывод, что он собирается спрятать ящик среди камней, а не в земле.

Подходящее место нашлось шагах в сорока от водопада. Именно в сорока шагах – Леруа сам их отмерил и подсчитал. Это было естественное углубление в камне, достаточной ширины и глубины. Кроме того, словно по заказу, в стенке его имелась как бы ниша, очень вместительная, охотно принявшая сундук. Одному Богу известно, для чего природе нужно было устраивать такое хитроумное укрытие. Разве что она специально размышляла над нуждами тех, кто прячет кладу.

Когда сундук был задвинут в нишу, капитан велел забросать колодец камнями. И сделать это так, чтобы вид у этого захоронения был самый укромный.

Работали долго, собирая подходящие камни на всем расстоянии от водопада до тайника, и солнце уже начинало наметать, что ему пора клониться к закату.

Леруа все это время вел себя странно. Вместо того чтобы сесть в теньке и потягивать ром из своей деревянной фляжки, он продолжал бродить вдоль белой стены, что-то высматривая, ощупывая.

– Если он заставит нас перепрыгивать сундук, мы здесь подохнем! – прошептал негр.

Отчасти он оказался прав. Правда, смерть его наступила не от перепрыгивания сундука. Леруа убил его ножом в шею возле водопада, когда он возился с очередным валуном.

Уильям видел это. Камень, который он держал в этот момент в руках, выпал с глухим стуком.

– Иди сюда, – спокойно приказал капитан.

Кидд подчинился, сам не зная, зачем он это делает. Если бы он рванул в джунгли, у него был бы какой-то шанс.

– Перед тем как тебя убить, я хочу тебе кое-что показать. Может быть, это видение скрасит твоей душе длинную дорогу в рай. Смотри!

Держа пистолет в правой руке, левой Леруа достал из кармана своего камзола тряпицу, развернул:

– Ну, нравится?

На грязной тряпке, лежавшей на грязной ладони, сверкал громадный, как утиное яйцо, бриллиант.

На лице Кидда не выразилось ни удивления, ни восхищения, ни даже понимания того, что он видит. Это внезапно разозлило капитана Леруа. Для человека жесточайшее испытание – в одиночку обладать столь громадным сокровищем и не мочь хоть с кем-нибудь поделиться фактом его обладания.

– Ты что, не понимаешь, что это такое?!

Уильям Кидд просто вздохнул.

Леруа хотел слишком многого, он не просто собирался убить человека, но и заставить его восхищаться тем, в каком блеске сам остается жить.

– То, что ты идиот, мне стало понятно еще до того, как я с тобой заговорил. Но что ты... Ладно, разговаривать с тобой бесполезно. Как и обещал, я тебя убью, но сначала ты ответишь мне на один вопрос.

– Какой? – проявил неожиданную заинтересованность Уильям.

– Что тебе не понравилось в названии моего корабля? Помнишь, ты сказал, что название «Веселый бретонец» тебе не по душе. Почему, дьявол тебя разрази?

Как покажут дальнейшие события, это было праздное любопытство, то самое, которое до добра не доводит.

– Что ты молчишь?! Чем тебе не по нраву бретонцы?

Уильям вздохнул:

– «Бретонцы» звучит почти так же, как британцы, а их велел мне остерегаться старший брат.

Леруа выпучил глаза, как это бывает с человеком, собирающимся расхохотаться. В конце концов, капитан «Веселого бретонца» может себе позволить быть веселым человеком.

Уильям устало смотрел на него и думал, что вот сейчас откроется капитанский рот и на него, несчастного, полетит пропитанная ромом слюна.

Рот действительно открылся, но из него вылетела не слюна, а острие стрелы.

Часть II. «Блаженный Уильям»

Глава 1

Из кустов за спиной капитана раздался восторженный и воинственный крик.

Леруа сделал шаг назад, шаг вправо и начал заваливаться на спину.

Завалился.

Прозрачный камень равнодушно вывалился из его левой ладони и, подпрыгнув несколько раз, нырнул в вымоину под водопадом, заполненную густой пеной.

Только тогда Уильям поднял глаза и увидел перед собой кошмар.

С десятков темных раскрашенных лиц. Чуть раскосые глаза внимательно, не мигая, поживотному смотрели на него.

«Дикари», – сообразил Уильям, но ничто не изменилось в его душевном состоянии от того, что он это сообразил. Оцепенение осталось оцепенением.

– Муа! – громко сказал дикарь, стоявший в центре группы, надо полагать, вождь. Из головы его торчали длинные цветные перья, а на груди висело ожерелье из каких-то мелких черепов – конечно, вождь. Чем эти перья хуже, чем плюмаж на шляпе какого-нибудь виконта, а ожерелье сильно смахивает на серебряную цепь, которую надевает королевский судья поверх мантии.

Уильям с удовольствием поразмышлял бы над этими соответствиями, но ему не дали. Почему, когда в голову приходит более-менее оригинальная мысль, тут же является пара дикарей и хватает тебя за предплечья?

– Уа-муа! – крикнул вождь, и Уильяма Кидда повлекли в заросли, из чего можно было заключить, что если его и убьют, то не там, где убили капитана Леруа, темная ему память.

Это, второе за сегодняшний день, путешествие было примерно таким же по длине, как и первое, но далось пленнику значительно легче. По одной простой причине: сейчас не он тащил, а его тащили. Правда, без всякого уважения. Таранили им заросли, как бревном. Однажды проволокли через муравейник, и сотни раздраженных муравьев набились Уильяму под одежду и впились в бледную шотландскую кожу.

Надо еще учесть, что путешествие это происходило в быстро сгущающейся темноте. Так что у бывшего матроса с корабля «Веселый бретонец» было полное ощущение, что он участвует в медленном погружении в преисподнюю.

Когда он услышал впереди глухие удары барабанов и увидел прыгающие красные огни многочисленных костров, ощущение это усилилось.

Очевидно, путешествие достигло своей цели. Это был поселок, довольно большой, огороженный грубым частоколом, заставленный внутри круглыми плетеными хижинами.

Появление воинов с добычей было встречено восторженно. Очень умеренно одетые женщины и абсолютно голые дети толклись в темноте вокруг мало что соображающего шотландца, доедаемого лесными муравьями.

Уильям пробовал почесаться, извивался, скулил от боли и этим, судя по всему, очень ухудшал впечатление от собственной персоны.

Если по его поводу существовало подозрение, что он злой дух или нечто в этом роде, то он эти подозрения подтверждал каждым своим движением.

На центральной площади поселка, где горел большой костер и стоял врытый в землю столб, собралось огромное количество народу. Женщины стояли слева, мужчины – справа. Если бы было наоборот, Уильяму было бы также все равно.

В плотном кольце темных размалеванных тел оставался неширокий проход, и сквозь него проникал замедленный, тяжелый барабанный голос.

Все уважительно косились в сторону прохода.

Воины, державшие пленника за предплечья, внезапно разжали пальцы, и Уильям был предоставлен сам себе. Он воспользовался этой свободой только для одной цели – освобождению от муравьев. Он стал, прыгая на одной ноге, стаскивать с другой сапог. Потом стал колотить им по земле, вытряхивая невидимых, но кусачих тварей. Он содрал с себя рубашку, чем привел дикарей в священный ужас белизной своего тела, они даже попятились на полшага, шепча заклинания.

Многим из них приходилось видеть человека с полностью снятой кожей, но чтоб такое...

Уильям сражался, лупил рубахой по земле, поднимая клубы пыли. Расцарапывал себе шею, бока, бедра. Что-то при этом скулил, явно нечленораздельное. Чтобы снять с себя панталоны, свалился на спину и задергался, освобождаясь от потных портков.

Именно в этот момент появился тот, кого ждали. Огромный, с длинными седыми патлами старик. Из головы его торчали перья, которых хватило бы для экипировки средних размеров курятника. На груди висела сушеная львиная лапа, подпоясан он был шкурой питона. На щиколотках гроыхали кастаньеты из птичьих черепов. Один его глаз украшало великолепное бельмо, другим он сверлил присутствующих, как раскаленным шомполом.

Уильям валялся, стонал, чесался, матерился и плакал. Он не обратил никакого внимания на появление бельмастого, чем удивил и его самого, и всех собравшихся.

– Уа-гуа, – произнес воин, захвативший пленника, и заговорил, видимо, описывая обстоятельства, при которых произошел захват. В доказательство того, что он не врет, им была предъявлена голова капитана Леруа с пронзившей ее стрелой.

Толпа одобритительно загудела. Одобрение, надо понимать, относилось к качеству выстрела.

Стрелок самодовольно скрестил руки на груди и победно вскинул голову. Потом вдруг ткнул пальцем в валяющегося на земле второго пленника и обрушил на него целый шквал двусложных слов. По интонации можно было заключить, что речь его носит явно обличительный характер.

Несколько воинов выскочили из толпы и наставили на пленника свои копья. По их лицам было видно, что им очень хочется его заколоть.

Только прикажите!

«Приказать?» – взглядом спросил стрелок у носителя бельма.

Уильям ничего не знал об этих обсуждениях своей участи. Он поднялся на ноги, все еще продолжая борьбу с кусачими насекомыми. Тело его было исполосовано ногтями, ночными колючками и еще бог весть чем.

Седовласый медленно приблизился к нему. Жестом показал, чтобы ему принесли факел, и начал внимательно рассматривать кожу Кидда. Он делал это так сосредоточенно, что можно было подумать – читает. В конце концов выяснилось, что так оно и было. Старик увидел на теле белокожего какие-то одному ему понятные знаки.

Толпа терпеливо и почти молча ожидала результата.

Седовласый не торопился.

Оттого, что он орудовал одним глазом, процедура вызывала дополнительное уважение.

Стрелок раздувал ноздри.

Барабан продолжал свой глухой отрывистый напев.

– У-а, му ну-а, а-а.

Слова эти потрясли дикарей. Даже без перевода в них чувствуется огромная, убедительная сила.

Бельмоносек поднял руку с факелом к небу, а потом резко опустил ее долу и произнес еще одну формулу. Такую же короткую и внушительную, как первая.

Стрелок закрыл глаза и шумно втянул воздух широкими лоснящимися ноздрями. После чего перекусил тетиву своего лука и то, что осталось, положил к ногам приплясывающего Уильяма.

Тот постепенно начинал приходить в себя и понимать, хотя бы отчасти, что происходит вокруг. Тело его горело, голова кружилась, кажется, муравьиные укусы были слегка ядовиты.

Первая мысль, которой удалось прорваться сквозь пелену своеобразного опьянения, была о том, что если его и убьют, то не прямо сейчас.

Вторая была еще трезвее: главное, чтобы не съели. Как христианина его, по понятным причинам, более, чем все другие, страшил именно такой способ смерти.

Седой старик, Кидд про себя окрестил его «одноглазым», подошел к нему почти вплотную, взял в свои сухие пальцы львиную лапу и с силой провел по груди белотелого гостя.

Трудно сказать откуда, но у Кидда возникло понимание того, что эту боль надо стерпеть обязательно.

Он даже засмеялся, когда по груди побежали вниз тоненькие струйки крови.

Все племя пришло в неистовство, они получили то, что хотели, – исцарапанный колючками, ошалевший от наркотических насекомых, шотландский матрос поневоле осчастливил целый поселок на южном побережье Мадагаскара.

Проснулся Кидд от истошного птичьего крика. Разумеется, некоторое время он не мог сообразить, где находится. Он лежал на циновке в небольшой круглой хижине сквозь многочисленные щели в плетеных стенах которой внутрь проникали солнечные лучи.

Стало быть, утро.

Птицы, вероятно, сидели на деревьях вокруг хижины. Они первыми почувствовали, что человек внутри проснулся.

Кидд попытался встать, но не смог. Боль как бы вспыхнула по всей поверхности тела. Осторожно подняв голову, он попытался осмотреть себя.

Зрелище его не восхитило. Вся кожа была буквально исполосована. Самые большие царапины, на груди и бедрах, были залеплены какой-то кашицей.

Как выяснилось несколько позднее, это было лекарство. А выяснилось это следующим образом. Плетеный полог откинулся, в хижину вошли одна за другой три молодые женщины. Вели они себя в высшей степени почтительно. В глаза больному они смотреть не смели, зато смели к нему прикасаться. Причем только языком. Они быстренько слизали вышеупомянутую кашлицу с его царапин и, усевшись в углу, начали готовить новую порцию. Они засовывали в рот длинные бледно-зеленые побеги и быстро-быстро сжевывали. После чего сплевывали полученную массу в широкую глиняную миску.

Когда работа была закончена, они исчезли.

Кидд недолго оставался один. К нему явился старик с бельмом. Он тоже вел себя почти-тительно, хотя в глаза смотрел и заговаривать смел. Даром что ни слова из его речений лежащий был понять не в силах.

Наговорившись, старик взял стоявшую в углу глиняную миску с лекарством, перемешал содержимое, а потом начал наносить на раны Кидда тоненькой деревянной дощечкой.

– Ну?! – удивился старик, когда Кидд непроизвольно застонал от боли. Когда он застонал второй раз, лекарь отложил палочку, вышел из хижины и вскоре вернулся с одной из девиц. Открыл ей рот, как дрессированной, и стал тыкать пальцем в великолепные, жемчужина к жемчужине, зубы. Мол, не надо обижаться, дорогой гость, для производства лекарства мы привлекли самые лучшие челюсти племени. Больно быть не должно.

Кидд понял его и в дальнейшем старался не стонать.

Эти процедуры продолжались три дня.

Лечебный эффект был потрясающий. Целебные травы в смеси с девичьей слюной мгновенно затягивали раны. Ни одна не воспалилась.

Несмотря на все оказываемое ему внимание, Кидд пребывал в состоянии, далеком от эйфорического. Ему не было страшно, но почему-то казалось временами, что его лечат, чтобы сожрать здоровым. Такая своеобразная дикарская этика.

По утрам и вечерам он молился, как было принято у них в доме, в основном повторяя молитвы, которым научила его кормилица. Интересно, что девушки, дважды в день облизывавшие его, сразу поняли, что в эти моменты его беспокоить нельзя, это ему понравилось, и он начал проникаться к ним симпатией. Они даже перестали быть для него на одно лицо. Он даже дал им имена – Клото, Лахесис и Атропо. Откуда он их взял, он бы и сам затруднился ответить. Из старинной книги, случайно найденной в отцовской библиотеке, может быть.

Одноглазый тоже частенько его навещал, подолгу разговаривал и, несмотря на то что Кидд ему не отвечал ни словом, ни жестом, по всей видимости, оставался весьма доволен беседами.

Он похож на жреца, понял Уильям. Оставалось спросить, кем этот жрец считает своего белого гостя.

На четвертый день жрец явился к нему в особо пышном наряде, помог Кидду подняться и вывел из хижины. Оказалось, что она находится не в поселке, а на плоском возвышении шагах в двухстах от него. Рядом с ней лежал большой плоский камень, земля вокруг него была пропитана кровью и усыпана перьями. Чуть в стороне – сухое дерево, утыканное черепами, человеческими и не только.

От поселка к хижине вела узкая тропинка по гребню базальтовой скалы.

Как раз в тот момент, когда Кидд был выведен на свежий воздух, по ней двигалась странная процессия. Впрочем, ничего странного в ней не было. Впереди шагала беременная женщина, опираясь на древко копья, за ней двое мужчин несли на носилках третьего, следом шли двое молодых дикарей, оба несли в руках по паре связанных за лапы кур.

– Упа-пу, – радостно сказал жрец и согнулся в легком полупоклоне.

Несмотря на все выказываемое ему почтение, Уильяму стало не по себе. Явно ему сейчас придется участвовать в деле, в котором он ничего не смыслит. Может быть, сразу и обнаружится, что зря с ним обращались как с важной персоной и совершенно напрасно лечили.

Клото, Лахесис и Атропо разжигали костер рядом с жертвенным камнем. Одноглазый о чем-то беседовал с черепами, украшающими скелет дерева.

Кидд, испытывая зуд во всем теле, смотрел то в сторону приближающейся процессии, то на неприглядное растение, невольно выбирая себе место на этом висячем кладбище.

Разобравшись с костром, обладательницы ласковых языков затеяли пляску вокруг предмета своих лекарских усилий. Заунывно потягивая подходящую к случаю песню, они, медленно кружась, двигались вокруг Кидда.

Он отнесся к этому спокойно – наименьшее из предстоящих сегодня неудобств.

Интересно, кем они все же его считают?

Наконец процессия приблизилась.

Впереди беременная. «Нет, – сказал себе шотландец, – если заставят принимать роды, откажусь. Пусть делают что хотят».

Беременная представляла собой огромное черное пузатое чудовище в легких соломенных одеждах. Щеки у нее были изъедены серыми оспинами, в некоторых скопились озера пота. Ноги с белыми пухлыми ступнями были широко расставлены, как будто она собирается родить прямо на месте. Глаза благоговейно полузакрыты.

«Чего она от меня хочет?» – панически думал моряк, стараясь придать своему лицу самое непроницаемое выражение.

– Ама! – заявил одноглазый, и беременная начала мелко-мелко трястись.

Глаза ее закрылись полностью. Соломенная одежда осыпалась с верхней части туловища, и глазам Кидда предстали громадные, как винные мехи, груди.

– Ама! – повторил жрец.

«Что этому гаду надо?» Кидд недовольно обернулся в его сторону.

Одноглазый словно бы все понял. Медленно он приблизился к трясущейся женщине и мягко положил ладони ей на живот. Потом повернулся к Кидду, как бы говоря: «Вот так надо».

Ну, если всего лишь это...

Стараясь двигаться как можно величественнее и плавнее, моряк двинулся к беременной женщине. Приподнял руки, подержал их на весу, уговаривая подчиниться следующему приказу, и положил на живот.

Ничего страшного не произошло. Было даже чуть приятно.

Клото и Атропо тут же отвели женщину в сторону.

Перед Киддом предстали носилки. Уильям не обладал ни малейшими медицинскими познаниями, но сразу же определил, что лежащий перед ним человек – не жилец. Левое плечо его было разворочено, как будто по нему раза три-четыре рубанули тяжелым топором, живот вздулся, суставы страшно опухли. Он был без сознания.

Жрец и здесь научил, что делать.

Оказывается, необходимо всего лишь опустить ладонь на раскаленный лоб и подержать несколько мгновений.

После того как Уильям проделал это, родственники умирающего бросились перед ним в пыль и стали биться головами о землю.

Это очень не понравилось Кидду. «Хорошенькое дельце, – подумал он. – А если завтра этот парень умрет, а умрет он обязательно, а беременная отдаст концы при родах или родит мертвенького...»

Додумать ему не дали. Жрец подвел к нему пару молодых соплеменников.

Юноша и девушка.

Девушка и юноша.

Так это же жених и невеста!

Несмотря на жару, Кидда бросило сами знаете во что – в холодный пот.

А жрец между тем командовал. Он взял девицу за руку и повел к хижине.

Не потащил, а именно повел.

Жених при этом не выразил ни малейшего желания протестовать.

Вслед за этим старик со всякими деликатными ужимками приблизился к Уильяму и стал ему знаками объяснять, что ему тоже надлежит прогуляться в сторону хижины.

«Черт знает что!» – от всей души подумал Уильям.

Старик настаивал. Мягко, но настаивал.

Уильям посмотрел на жениха. Тот тут же упал на колени и закрыл глаза, как давеча это делала беременная.

Ну что с вами делать!

Пришлось подчиниться силе обычая. В хижину войти можно, но никто же не заставляет его делать там то, чего от него ждут. Нет, Уильям Кидд, сын Генри Кидда, отнюдь не был девственником, он перепробовал многих поселенок и пастушек в окрестностях родового замка, имел с полдюжины незаконнорожденных отпрысков в разных частях родного графства, знал, как обращаться с женщинами, особенно если они не слишком много о себе воображают, но сейчас ему было не по себе. Конечно, эту дикарку следовало бы отнести скорее к поселжанкам, чем к графиням, но он не чувствовал себя в этой хижине в своей тарелке.

Даже месячное воздержание никак не сказывалось в его организме.

При этом он понимал: предпринимать что-то надо!

Больной может умереть завтра или послезавтра, а вот то, что он отказался от выполнения своих особых обязанностей, станет ясно немедленно.

Эти идиоты его тут, кажется, обожают, но станут ли они это делать, когда окажется, что он... Это нехорошо, это оскорбительно! Он обратился к себе с аргументированной речью, в которой пытался доказать, что надо, надо сделать то, чего от него все так ждут. Но ему самому его собственные аргументы казались неубедительными.

Девушка сидела в углу на корточках, с закрытыми глазами. Вела себя так, как ее научили, небось все в деревне считают ее счастливой, небось старики и не помнят, когда в последний раз к ним наведывался белотелый посланец небес.

Что же делать, в конце концов?!

Эти, на улице, наверное, уже удивляются.

Как же им объяснить, что он не может заниматься этим без душевной склонности?

Катастрофа. Сейчас она откроет свои белки.

Девушке действительно надоело ждать, и она начала приоткрывать глаза.

И это было подобно грому.

Настоящему грому.

Такому, что донесся со стороны деревни.

Уильям Кидд не без усилия стряхнул с себя одурь. В деревне стреляют.

Не просто стреляют, палят!

Кто там может стрелять?

Радуюсь, что ему, по всей видимости, не придется работать специалистом по первой брачной ночи, Уильям выскочил наружу. Картина его взору открылась красивая, но устрашающая.

Деревня полыхала.

Каждый дом – костер.

Между домов, вопя, носятся люди и свиньи. Видимо, в деревне имелся загон, а теперь он полыхал, как все прочие постройки. Но не на свиньях остановилось внимание Кидда.

На людях.

Часть их была очень странно одета. Никаких набедренных повязок, никаких перьев в голове.

Шляпы, штаны, сапоги. В руках – пистолеты и шпаги.

Сначала ему показалось, что это экипаж «Веселого бретонца» пришел ему на помощь. Но, присмотревшись, а главное, прислушавшись, он понял: это не французы.

А кто, дьявол их разрази?!

Британцы! Отдельные выкрики, доносившиеся до Кидда, звучали по-английски.

И явно не регулярные войска, если судить по экипировке. Это открытие не уменьшало количество недоуменных вопросов, роившихся в голове Уильяма. Например, он не представлял себе, как можно объяснить появление пиратской команды здесь, в горах, за столько миль от побережья.

Между тем сражение подходило к своему завершению. Десятка два аборигенов, продолжавших сопротивление, начали отступать к хижине Кидда. По пути они пытались отбиваться от нападающих пиратов. Копья и каменные топоры плохо конкурировали с пистолетами и абордажными саблями.

Ряды защитников таяли.

Ярость нападавших нарастала.

Одноглазый жрец подбежал к сухому дереву и припал к нему, обнимая ствол.

Клото, Лахесис и Атропо вместе с невестой, не получившей обещанного, спрятались за хижинкой.

Жених вытащил из-за пояса костяной нож, показывая всем своим видом, что будет защищать белого бога до конца.

Конец пришел быстро. Один из пиратов, рослый бритоголовый британец с черной повязкой на голове, с расстояния в пять шагов всадил ему пулю в лицо. Юноша откатился в сторону, бормоча что-то предсмертное.

Бритоголовый огляделся, тяжело дыша. Погоня завершилась. Было видно, что никуда дальше он бежать не собирается.

Уильям счел необходимым поприветствовать разгоряченных гостей:

– Здравствуйте, господа.

Два десятка облитых потом, присыпанных пылью пиратов стояли перед ним, успокаивая дыхание и подозрительно поводя дулами своих пистолетов по сторонам.

– Кто ты такой, черт тебя подери? – спросил высокий, худой, как жердь, пират с изуродованным носом. Ноздри у него были вырваны, и на лице появились два дополнительных зияющих глаза.

– Я бог здешних мест, – усмехнулся Уильям, приглашая и остальных посмеяться вместе с ним над нелепостью ситуации.

– Бог?! – восхитился бритоголовый. – Клянусь богом, это мило. Может, расскажешь нам, дружок, каково тебе в этой должности, а?

– погоди, Сэмюэль, – прервал начинающееся веселье Рваная Ноздря. – Сначала дело.

– Дело так дело.

Рваная Ноздря обратился к Уильяму:

– Тебя зовут шотландец Кидд?

– Да.

– Это ты тащил ящик с деньгами капитана Леруа?

– Я и негр Джим.

– Негра мы нашли у водопада.

– И обезглавленное тело Леруа тоже, – вмешался в разговор бритоголовый, – а вот сундука с деньгами там не было. Понимаешь, не было!

– погоди, Сэмюэль. Ты покажешь нам место, где вы спрятали сундук. Ты понял меня, Кидд?

Уильям на секунду задумался, впоследствии ему много придется перенести именно из-за этой секунды. Эту мгновенную заминку будут вечно ставить ему в вину. Из воспоминаний об этой краткой задумчивости вырастут неистребимые подозрения в его адрес. То, что Уильям скажет ниже, нужно было говорить сразу, без малейшего промедления или сомнения.

– Я понял тебя, но я ничего не могу показать.

– Почему это?

– Потому что я не знаю, где зарыт сундук.

Бритоголовый подлетел к нему и приставил острие ножа к его подбородку:

– Я тебя сейчас...

– погоди, Сэмюэль. Ты говоришь, что тебе неизвестно, где спрятан сундук с деньгами Леруа?

– Говорю.

– Объясни, почему. Тебя больно ударили по голове и ты все забыл?

– Мы не успели его зарыть.

Рваная Ноздря пожевал губами, потом медленно засунул пистолет за широкий красный пояс, которым был подпоясан.

– Ты хочешь сказать, что дикари напали на вас до того, как вы...

Уильям кивнул и простодушно улыбнулся:

– Да.

– И ты ему поверишь, Роб?!

– Я еще никому на свете не поверил на слово, Сэм, ты же знаешь. Мы сейчас как следует расспросим господина бога, и он все вспомнит.

Пираты одобрительно загудели. Никто ни на одну секунду не поверил объяснениям Уильяма. Честно говоря, он уже пожалел о своей нелепой хитрости. Зачем он сказал, что ничего не знает?! Но отступить было некуда.

Сказал так сказал.

Уильям успел усвоить кое-какие правила, принятые среди джентльменов удачи, и прекрасно представлял себе, что с ним сделают, если он начнет вилить и менять свои слова. Даже выдача денег его не спасет.

В лучшем случае его бросят здесь на острове. Причем на лучший исход рассчитывать не приходится.

Роб медленно подошел к костру и вынул из него головешку, подул на раскаленный конец.

– Так ты правда не знаешь, где деньги капитана Леруа?

– Правда.

Снова заныли все царапины на коже Уильяма и возобновилась тоска в сердце.

Роб Рваная Ноздря приблизился к нему вплотную. Волоски на груди Кидда стали белеть и курчавиться.

Тут из-за хижины появился голый по пояс пират, тащивший за волосы двух девиц, Лахесис и невесту.

– Эй, Роб, взгляни, там еще есть.

– Ты что, Билли, думаешь, я залез в эти горы, чтобы возиться с этими немытыми девками?

– Да я не про то. Там дерево стоит, а возле него старик, что надо старичок.

Не выпуская из руки чающейся головешки, Роб обошел хижину и увидел одноглазого жреца, стоявшего на коленях в обнимку с голым белым стволом.

Зрелище было впечатляющее. Дерево, увешанное черепами, можно было принять за скелет многоголового чудовища. Если бы Уильям как следует прочитал книжку из библиотеки отца – книжку, из которой он взял имена для своих врачевательниц, он бы мог сказать, что священное дерево напоминает останки Бриаря.

– Оторвите его от ствола и волоките сюда! – приказал бритоголовый Сэм.

Старика с трудом отделили от дерева. Он тут же упал на спину. И стало видно, что изо рта его валит густая зеленоватая пена. Зрячий глаз был так же мутен, как пораженный бельмом.

Жрец не захотел пережить гибель своего народа.

Пираты сделали совсем другие выводы из этого ритуального самоубийства. Вышло так, что одноглазый оказал большую услугу Уильяму. Подозрения в его адрес сделались менее острыми. Допустить, что старик украл золото, а потом отравился из жадности, было вполне в стиле пиратских представлений о мире.

Роберт Каллифорд и Сэмюэль Берджесс с пиратского корабля, носящего имя «Блаженный Уильям», приказали перевернуть поселок или то, что от него осталось, вверх дном, ибо если дикари и спрятали золото, то они не могли спрятать его вдали от своего дома.

«Блаженный Уильям», пятидесятичетырехпушечный капер, был тем кораблем, с которым свела жестокая судьба несчастный «Порт-Ройял», да еще в тот самый момент когда он разминулся со своим конвоем.

Именно «Блаженный Уильям» нанес «Порт-Ройялу» те повреждения в артиллерийском бою, в силу которых тот стал беззащитен даже перед таким мелким стервятником, как капитан Леруа. Бой и для пиратов не прошел бесследно. Они потеряли ход и двое суток боролись с пробоинами, дававшими опасную течь. Приведя свое судно в относительный порядок, пираты кинулись на поиски своего подранка. Им было известно, что «Порт-Ройял» буквально нашпигован золотом.

В том состоянии, в котором они его оставили, он не мог уйти далеко. Стало быть, его надо искать в бухтах ближайшей суши. Ближайшей сушей был Мадагаскар. Туда пираты и направились, моля Бога только о том, чтобы «Порт Ройял» не затонул по дороге.

Негодьям везет.

Уже на вторые сутки поисков они набрали на бухту, на песчаном берегу которой беззащитно лежал «Веселый бретонец».

То, что экипаж его состоит из французов, людей Калифорда и Берджесса даже устраивало. До них дошли слухи о большой войне. Поэтому они обрадовались случаю обстричь свои делишки под видом военных действий на стороне флота его величества. Это могло быть зачтено в будущем, когда придется (не дай бог) предстать перед военно-морским трибуналом. Ни один пират не зарекался от такой возможности.

Оставленные в живых после бойни французы легко сознались в своем нападении на «Порт-Ройял» (возможность списать эту акцию на французских разбойников порадовала разбойников английских) и сообщили, что капитан Леруа со всеми сокровищами исчез в джунглях, собираясь там эти сокровища спрятать.

Доедаемый тропической лихорадкой, капитан «Блаженного Уильяма» Брайан Лич остался на корабле, а самые деятельные его помощники взялись за прочесывание ближайших джунглей.

И вот кое-что нашли.

Похожие на раздраженных чертей, перемазанные сажей пираты рылись в дымящихся развалинах.

Ими руководил Берджесс.

Калифорд занимался более интеллектуальным делом – допросами тех, кого удалось поймать.

Труп жреца, по мнению пиратов, знающий все, допрашивать было бесполезно.

Занялись девицами. Для начала желающие их изнасиловали. Почему-то считается, что с изнасилованной женщиной разговаривать о деле легче.

В данном случае метод не помог. Аборигенки молчали и тупо тарасились.

– Дикари! – с чувством сказал Калифорд. – Они не понимают ни слова.

Уильям с тоской наблюдал за всей этой процедурой. И за изнасилованиями, и за попытками после этого поговорить по душам. Преувеличением было бы сказать, что он сочувствовал девушкам, больше он сочувствовал себе. Он понимал, что, ничего не добившись от них, возьмутся за него.

Так и случилось.

– Ты знаешь их язык? – спросил мрачный Калифорд.

– Язык? Очень даже хорошо.

– Так что же ты молчал, сто чертей тебе в глотку!

Потом в течение часа Уильяму пришлось расплачиваться за свое неловкое и почти невольное остроумие. Наконец Калифорд поверил, что имелась в виду не речь, а медицинская процедура.

Поверил, но от этого его желание добраться до денег Леруа меньше не стало.

И у него осталась лишь одна ниточка, ведущая к ним, – Уильям Кидд.

– Я не могу поверить, что ты ничего не знаешь.

– Это меня пугает.

– Правильно, должно пугать. Видишь вон тот костер? Он кажется погасшим, но ведь его легко раздуть.

– Ты хочешь меня пытаться?

Калифорд усмехнулся, отчего его профиль сделался особенно зловещим. Но заговорил другой пират, при этом почти по-человечески:

– У нас есть парни, которым только дай кого-нибудь поистязать. Я не из таких. Проливать кровь без нужды – это не в моих правилах. Но у меня нет другого выхода. Я не могу вернуться на берег без денег.

Голос Каллифорда сделался глуше, он говорил, явно стараясь, чтобы его не услышал кто-нибудь из подчиненных.

– Мне не нужны все деньги. Хотя бы часть. Может быть, вы с Леруа поделили золотишко на троих и закопали в трех разных местах, а?

Уильям не успел возразить.

– Можешь оставить при себе свою долю, покажи только, где лежат денежки капитана и того черномазого. Им-то они все равно не нужны.

Надо сказать, что Уильям не увидел расставляемой ему ловушки. Ему и в голову не пришло подумать, что этот внезапно подобрешший головорез – человек очень хитрый. Что, если бы дело обстояло так, как он предполагает, то есть деньги были бы разделены на доли и спрятаны в разных местах, он, получив две из них, не поколебавшись ни секунды, поджарил бы пятки ему, Кидду, чтобы получить остальное.

Уильяма поразила близорукость британских корсаров, он даже усмехнулся и почувствовал свое превосходство над ними.

– О какой части ты говоришь? Разве больше половины еще не у вас в руках?

Каллифорд встрепенулся:

– Какая половина?!

На лице Кидда сияла самодовольная улыбка. Достаточно им помыкали, теперь кое-кого он поставит на место.

– Перед тем как идти прятать деньги, Леруа три пятых роздал команде. Как было положено по договору.

Каллифорд зажмурился. Видимо, ослеп от света открывшейся ему истины.

Надо было ожидать, что он ударит себя кулаком по лбу.

Ударил. Ладонью. Длинно, страстно выругался. Вскочил на ноги:

– Бросайте все, возвращаемся.

Надо было спешить. А вдруг кто-нибудь из оставшихся на берегу догадается обыскать пленных французов?

– А я? – спросил по традиции Кидд.

Каллифорд мельком посмотрел на него:

– Свяжите ему руки.

Тепла, тиха мадагаскарская ночь.

Горят на небе сочные тропические звезды.

Повизгивают длиннохвостые обезьяны в зарослях на берегу. Отливающая серебряным маслом дорожка пролегла от луны.

Тихими хрипловатыми голосами напевают матросы, заканчивая приборку.

Журчит вода в шпигатах.

Вскрикивают и стонут пытаемые французы. Это те, кто по своей глупости не захотел по первому требованию расстаться с деньгами, полученными при дележе. Отдадут. Вместе со здоровьем.

С кватердека раздается:

«Все на брасы! В дрейф ложись!»

Флаг приспущенный не вьется.

Оборвалась чья-то жизнь.

Как ведется меж матросов,

Тело в парус завернут,

Оплетут покрепче тросом
И за борт его столкнут.
Ни креста, ни глади моря,
Ни единого цветка.
Только волны, только зори
Над могилой моряка.

У Брайана Лича, капитана «Блаженного Уильяма», всегда перехватывало горло, когда песня доходила до этого места.

Перехватило и в этот раз. Он даже закрыл глаза, в уголках которых загорелись две горячие слезинки. Что было неуместно, поскольку в каюте, где на широкой постели под пропотевшими простынями расположился измотанный лихорадкой капитан, происходил как раз военный совет.

Присутствовали все помощники капитана корабля. Роберт Каллифорд, Сэмюэль Берджесс и Уильям Мэй. Они стояли в изголовье капитанской кровати, держа свои шляпы на сгибе левой руки, правой опираясь на рукояти торчащих из-за пояса пистолетов.

Обсуждался один вопрос: что делать дальше?

– Так вы считаете, что со второй частью этого золота нам можно попрощаться?

Роберт Каллифорд кивнул:

– Мы можем простоять здесь до второго пришествия, обыскивая джунгли. Дикари надежно спрятали сундук.

– А может, выбросили в какое-нибудь болото в качестве жертвы своим богам, – добавил Берджесс.

– А точно ли деньги были у них?

– Похоже на то. При нашем появлении их главный, то ли вождь, то ли жрец, покончил с собой. Он сообразил, за чем мы явились и что с ним можем сделать.

Лич несколько раз тяжело вздохнул. Полежал несколько секунд с закрытыми глазами.

– Там что, больше никого не осталось в живых после вашего посещения? Некого допросить?

Берджесс усмехнулся и почесал лысый затылок.

– Это все равно что допрашивать обезьян. Пользы не намного больше.

– Понятно. А что вы скажете об этом шотландце? Как его зовут? Кидд?

– Именно так, капитан, – ответил Каллифорд. – Уильям. И надо заметить, он немного блаженный. На мой взгляд.

Все засмеялись.

Даже на губах лежащего появилось некое подобие улыбки.

– Тем не менее я не считаю, что с ним все ясно. Не исключено, что он что-то знает.

– Знает?! Так расспросите. Допросите!

Каллифорд почесал пальцем рваную ноздрю:

– Расспросить? Я его уже расспросил. Прямо на месте. Тогда же у меня создалось впечатление, что он немного не в себе. Дикари приняли его за бога и оказывали ему, судя по всему, божеские почести.

– Что ты имеешь в виду?

Каллифорд хмыкнул и почесал другую ноздрю:

– Он сказал, что они его облизывали.

Берджесс и Мэй открыли свои пасти, готовясь захохотать. Но Лич был не расположен шутить.

– Облизывали? Интересно.

– Поэтому я решил взять его с собой. Будем внимательно за ним следить.

– Он что, по-вашему, прячет сорок фунтов золотых монет в карманах панталон?!
Каллифорд не любил, когда над ним смеялись. Лицо у него дернулось.

– Он придет в себя, надеюсь. Перестанет считать себя богом, ведь облизывать мы его не станем, как вы понимаете. Тогда мы с ним поговорим.

Берджесс покачал лысой головой:

– По-моему, пустой номер, я бы его вздернул.

Каллифорд раздраженно покосился на него:

– Ты бы вообще всех вздернул, у кого есть шея.

– Надо взять его с собой, – сказал тугодум Мэй. – Чем мы рискуем?

Капитан согласился:

– Конечно, возьмем. Но, чтобы обезопасить себя от его хитростей, перед входом в любую гавань будем сажать его на цепь. Не верю я что-то в живых богов. Даю голову на отсечение, парень нас дурачит.

– Может, просто набивает себе цену, боится, что мы оставим его на берегу вместе с французами? Они, я думаю, уже догадались, по чьему совету мы выпотрошили их карманы.

– Да, Каллифорд, и это возможно. Поэтому помните о цепи. Кроме того, если он сделает попытку бежать...

Через открытое окно в каюту влетел тяжелый, мучительный стон. Еще один француз расстался со своим временным богатством. Капитану, похоже, чужие страдания приносили облегчение.

– Так вот, если он сделает попытку бежать, ему спокойно можно вставлять фитили между пальцев. Значит, он действительно что-то знает.

Мэй наморщил лоб и осторожно спросил:

– Как же мы увидим, что он собрался бежать, если он будет сидеть на цепи?

– Однажды мы «забудем» посадить его на цепь или «забудем» закрыть замок, – пояснил Каллифорд.

– А-а, – протянул тугодум, но никто не был уверен, что он все понял правильно.

В то же открытое окно из влажно-душной бездны тропической ночи влетела огромная мохнатая бабочка и, шумно попетляв под деревянным потолком, присоединилась к кучке насекомой мелочи, осадившей тусклый масляный фонарь.

Брайан Лич сказал:

– Вы мне ничего не рассказали о мусульманине.

– Его зовут Базир. Сопровождал груз на «Порт-Ройяле». Родом индус. Надзирал за торговлей в Сурате. От Великого Могола. На лбу шрам.

Коротко доложив все ему известное, Мэй вытер вспотевший от напряжения лоб.

– Зачем он нам нужен? – спросил капитан.

– Выкуп? – неуверенно предположил Берджесс.

– Ты предполагаешь, мы можем потребовать выкуп с Великого Могола? – с нескрываемой иронией спросил Лич.

– Потребовать-то мы можем...

– Но вряд ли получим.

– Да я бы и не советовал пробовать.

– Почему, Роберт?

– Во-первых, этот Базир не родственник, а всего лишь чиновник.

– А во-вторых?

– А во-вторых, я бы не стал на нашем месте сообщать Великому Моголу, что именно мы ограбили его корабль.

Берджесс почесал лысину.

– Корабль принадлежал компании.

- Это несущественно. Перевозил же он груз, принадлежащий Аурангзебу.
- Все-таки я бы попробовал.
- Что бы ты попробовал, Сэмюэль?
- Надо сообщить в Дели, что этот Базир у нас.
- Не думаю, что слуга, не уберегший хозяйские сокровища, представляет какую-нибудь

ценность.

- Вот именно, Роберт. Аурангzeb выкупит его, для того чтобы посадить на кол.
- У нас в Девоншире говорят: «Не лови рыбу на птичью приманку».
- Мало ли что у вас там говорят, в вашем Девоншире.
- Я бы попросил тебя поуважительнее, разрази тебя дьявол, отзываться...

Капитан и Уильям Мэй внимательно наблюдали за этим обменом колкостями. Причем Мэй ничего не понимал, а капитан понимал более чем достаточно. Поэтому, когда разговор подошел к опасной черте, он немедленно подал голос:

- Берем с собой.
- Кого? – одновременно и одинаково возбужденно поинтересовались помощники.
- Этого вашего могольского чиновника. У нас ведь найдется еще одна цепь на корабле?
- Найдется, – попытожил Мэй.

Как бы в подтверждение его слов, в окно влетели один за другим три мучительных стога.

В это время два человека, судьба которых так подробно обсуждалась пиратскими командирами, сидели на полу в маленьком безоконном деревянном мешке в кормовой части корабля и пытались представить себе свое будущее.

Заглядывать слишком далеко было бессмысленно, поэтому они старались разглядеть лишь очертания завтрашнего дня.

Повесят или не повесят?

Мусульманин нервничал больше христианина.

Для того чтобы обрести относительное душевное равновесие, Уильяму было достаточно знать то, что его не съедят.

Базиру такой уверенности было явно маловато. И все прочие варианты собственной кончины он хотел бы отнести на как можно более отдаленное будущее. Чтобы иметь такую возможность, надо было вооружиться уловками, придумать какие-то капканы для воображения и жадности белых разбойников.

Крики жестоко уговариваемых французов доносились сюда, вниз, что не способствовало хладнокровности настроя пленников. Уильям первым устал от бесплодных попыток заглянуть в свое будущее. Даже самое ближайшее.

Ему захотелось общения.

Мусульманский индус, насколько можно было судить, свободно владел английским.

– Как тебя зовут?

– Какое это имеет значение? Аллах узнает меня, под каким бы именем меня ни казнили.

Так уж устроен восточный человек: даже если он не хочет разговаривать, он сообщает о своем отказе очень многословно. Уильям принял многословие мусульманина за готовность общаться.

– Сколько тебе лет?

– От количества лет, проведенных здесь, срок нашего пребывания там не меняется.

– Где это – там?

Базир усмехнулся, чувствуя свое превосходство над этим западным дикарем.

– Миром человека не исчерпывается мир Аллаха. «Какой удивительный человек этот мусульманин, – с неожиданной приятностью подумал Уильям. – Видимо, знает много ученостей».

– Скажи, ты ведь плыл на том корабле, который потопили французы?

Базир насторожился. Может быть, к нему специально подсадили этого прикидывающегося дураком человека. Когда ничего не может добиться умный, может пригодиться скудный умом. Надо быть настороже.

– Я плыл на этом корабле.

– Судя по одежде, ты не моряк.

Базир промолчал. Полная темнота в каюте-конуре позволяла ему не думать о том, как выглядит его лицо.

– Ты ведь не моряк?

– Я податной чиновник.

– Ты следил за товаром, который везли на корабле, да?

Несмотря на темноту, Базир огляделся по сторонам.

– Да.

– Весь груз тебе был хорошо известен.

– Был.

Мусульманину казалось, что из темноты к нему приближается невидимая рука и сейчас схватит его за горло. Она его еще не схватила, но говорить ему уже сделалось трудно.

– Так вот, я и хотел спросить у тебя, что это был за алмаз там, среди прочих товаров. Такой большой, на пол-ладони, больше, чем куриное яйцо?

Базир напрягся. Ему казалось, что сейчас на него обрушится потолок. Он зажмурился и так просидел несколько секунд в двойной темноте.

– Почему ты не отвечаешь?

Голос звучал просто и искренне. Мусульманин не чувствовал в нем никакого подвоха, поэтому ему стало совсем страшно, прошиб отвратительный пот.

– Ты что, заснул?

– Нет.

– Ты хрипишь, как будто тебя душат.

– Меня душат тяжкие мысли.

– А-а, – проявляя неожиданную проницательность, сказал Уильям, – ты не хочешь говорить об алмазе.

Мысли мусульманина совсем смешались. Он уже не знал, что ему думать. Идиот этот англичанин или великий хитрец.

– А раз не хочешь говорить, значит, уже все про него знаешь, правильно?

В голосе Кидда было столько убийственного простодушия, что могольский чиновник сорвался:

– Этот бриллиант называется «Посланец небес», он одна из трех главных драгоценностей короны шахиншаха.

– Зачем он отправил ее плавать по морям?

– «Посланец небес» обладает многими чудодейственными свойствами...

Базир осекся. Что он делает?! Кому он это рассказывает?! Он обезумел! О Аллах, убери затмение с моего бедного разума!

– Какими он обладает свойствами?

Мусульманин уже овладел собой.

– Не знаю. Слышал только, что алмаз этот чудодейственный, а куда его везли и зачем, то мне неизвестно. Да я его и не видел никогда. Таким мелким людям, как я, это не дозволяется. Я не уверен даже, что он был на корабле.

Кидд страстно ему возразил:

– Был, был!

Базир перевел дыхание и осторожно, тихо-тихо спросил:

– А ты видел его?

– Конечно.

Чиновник еще более понизил голос, опустив его до уровня змеиного шипения:

– Где?

– В руках у капитана Леруа.

– Когда вы относили прятать сундук с монетами?

– Да.

– Он сам показал тебе его?

– Да. Мы стояли возле водопада, он достал из кармана тряпицу...

– А что было потом?

– Потом на нас напали дикари.

Базир несколько раз вздохнул, стараясь справиться с волнением. Он чувствовал, как у него дрожит все внутри.

Сейчас, сейчас он узнает...

Зря он взял эту передышку. Кидд внезапно задумался о смысле своей откровенности.

Зачем он рассказывает все это?

Кому он рассказывает все это?

С неприятным удивлением он обнаружил, что выболтал уже почти все, что знал.

– Может быть, ты знаешь, где этот камень находится и сейчас, а?

Если бы этот вопрос был задан несколькими секундами раньше, на него был бы дан исчерпывающий ответ. Была бы описана вымоина в скале, в которую вечно падает струя водопада и на дне которой беззаботно перекачивается тот самый «Посланец небес». Но Уильям уже принял решение помалкивать. С какой стати он будет выкладывать мусульманину то, что он скрыл от британца? Пусть все одинаково ничего не знают.

– Так ты знаешь, где он сейчас?

– Нет. На нас сразу же напали. Капитана Леруа убили. Я его не любил, он обманул меня и забрал мой корабль, но мне его было жалко.

– А камень, конечно, забрали дикари? – не желая сходить с нужного направления в разговоре, давил Базир.

– Наверно. Больше я его не видел.

– А пираты искали его?

– Наверно, искали.

– Ты рассказывал им о нем?

Уильям подумал и сказал правду, не зная, правда, на пользу ли она ему:

– Нет.

И тут же почувствовал, как рука мусульманина легла ему на плечо.

– Послушай моего доброго совета, не рассказывай больше никому об этом камне. Тебя не оставят в покое, будут пытаться. Никто не поверит, что ты не знаешь, где он спрятан.

– Но ты-то веришь ведь, правда?

Базир усмехнулся:

– Я не в счет. У меня нет возможности тебя пытаться. К тому же мне так же выгодно помалкивать о его существовании, как и тебе.

– Почему?

– Потому что меня тоже станут пытаться. Когда речь заходит о таких вещах, как этот камень, люди не задумываются о способах, которыми его можно добыть.

Уильям помолчал и тихо сказал:

– Понятно.

– Надеюсь, что так.

Глава 2

Решив судьбу Кидда и Базира, Брайан Лич перешел к обсуждению того, что делать дальше.

Тут много говорить не пришлось. Всем, даже не слишком сообразительному Мэю, было ясно, что после недавних событий благоразумнее всего убраться подальше из здешних вод. А может быть, и из Индийского океана. Где-то неподалеку рыщут фрегаты конвоя «Порт-Рой-яла», встреча с которыми не сулила ничего приятного. Кроме того, когда известие о нападении дойдет до делийского правителя, несомненно, начнется настоящая охота за теми, кто рискнул ограбить корабль Великого Могола. К тому же Ост-Индская компания присоединится к этой охоте со всеми своими пятнадцатью пятидесятипушечными судами.

Нет, надо уносить ноги. И как можно дальше.

Поскольку «Блаженный Уильям» был слишком хорошо известен чиновникам адмиралтейства его величества и известность эта была не слишком положительного рода (мягко говоря), то в Европу лучше было не соваться.

Кроме того, не следовало забывать и о войне. Всякому, кто захотел бы добраться до британских портов, предстояло миновать воды, контролируемые французским флотом.

Что же оставалось?

Оставалось Карибское море.

Среди его бесчисленных островов можно было затеряться. Можно было бы прожить какое-то время, ускользая от французских пушек и английских виселиц.

Плавание было не слишком веселым. Команда немного нервничала. Все рассчитывали на большую добычу, чем та, что в конце концов досталась. Деньги из людей Леруа вытрясли. Но дело в том, что команда «Блаженного» была вчетверо больше команды «Веселого». И то, что хорошо для одного, не слишком хорошо для четверых.

Кроме того, поползли слухи о сундуке капитана Леруа. Часть пиратов считала, что нужно остаться и обшарить «проклятые горы». Разговоры на эту тему отнюдь не способствовали укреплению дисциплины.

Разумеется, было известно и о том, что на борту находится человек, который, вполне возможно, представляет себе, где «этот треклятый француз припрятал свои деньжата». Даже имя этого человека стало известно.

Кидд.

На нижней палубе, там, где развешивались гамаки для сна, об этом Кидде рассказывали самые фантастические истории. Спустя какую-нибудь неделю о нем уже говорили не иначе как о человеке, зарывшем клад в горах, рядом с «французской» бухтой.

Оставалось непонятным только одно: почему это господа командиры не подсмолят пятки этому Кидду и не выведают, где именно он вырыл яму для сундука с золотом?

А может, уже выведали, но не хотят делиться с командой?!

Для отвода глаз устроили этот поход на Тортугу, а сами наймут там другой корабль, с матросами, которые ничего не подозревают о кладе, и лягут на обратный курс.

Брожение шло серьезное.

И старший помощник Каллифорд, и штурман Берджесс, и главный канонир Мэй ощущали это.

Мэй – в меньшей степени. Для него матросы мало отличались от пушек, и поэтому он спал спокойно.

Теперь перенесемся на противоположную сторону Атлантики и посмотрим, что происходит в тех местах, куда направлялся «Блаженный Уильям».

Война потихоньку разгоралась.

Шла она не только на островах и велась не только при помощи флотов.

Заполыхал весь континент.

Воевали не только французские войска с английскими солдатами.

Французские колонисты выступали против английских колонистов.

Разделились и индейцы, которым, по логике вещей, должны были быть противны и те, и другие.

Ирокезы выступили на стороне Франции. Делававам, например, милее была Англия.

Война как война.

Совершались подвиги, совершались предательства. Все мечтали о контроле над территориями и считали, что именно в этом основа будущего благополучия.

Силы государств были более-менее равны, что обещало достаточно длинную войну.

Стратеги и с той, и с другой стороны размышляли над тем, как в короткий срок увеличить свои силы и нарастить средства.

Именно об этом беседовали в доме губернатора острова Невис, сэра Адама Вудфорда, несколько высокопоставленных господ. Парадный обед по случаю прибытия из метрополии лорда Хардуэя, личного посланца короля Вильгельма, подходил к концу. Дамы благополучно удалились, и теперь за столом царили портвейн и политика.

Вместе с лордом Хардуэем, худосочным аристократом, с трудом вынесшим тяготы морского путешествия, прибыл полковник Маллин, большой специалист по строительству военных тюрем и умирению бунтов в войсках; хотя внешне – человек красномордый и добродушный – таким не казался. При этом, по отзывам знакомых и сослуживцев, редкая скотина, хотя и смелая.

Кроме того, присутствовал и полковник Керр. Штабист-картограф. Любитель поруководить военно-морскими действиями не выходя из кабинета. Сухой, рыжий, желчный и, как всякий человек, самозабвенно преданный своему делу, немного не от мира сего. Правда, портвейну не враг.

Свиту толстяка Вудфорда составлял командующий гарнизоном острова Невис майор Плант. Служака, хороший товарищ и несчастный отец пяти некрасивых дочерей, которых немисливо было выдать замуж даже за местных заскорузлых плантаторов, не говоря уж о молодых офицерах, прибывающих из метрополии, чтобы отслужить свой срок в колониях.

Присутствовал и главный денежный мешок острова – синьор Галиани. Выходец из Ломбардии, итальянец до мозга костей, он вместе с тем оставался преданнейшим подданным британской короны. Ему принадлежала половина лавок на острове, треть плантаций сахарного тростника и идея воздвигнуть огромный англиканский храм на главной площади Порт-Элизабет. То есть столицы острова.

Ломбардец, как и все итальянцы, что неудивительно, был черноволос, горяч, говорлив и лжив. Все знали, что от него не услышишь и слова правды, поэтому он никому не приносил вреда своей ложью.

Сэр Вудфорд поднял тост за высоких гостей. Выразил восторг по поводу того, что имеет честь состоять на службе у короля, который посылает к нему столь пронизательных, благородных и великолепных инспекторов. Заверил, что и без всяких инспекций интересы британской короны блюдутся им в полной мере на самом острове Невис и во всех прилегающих к нему водах. Подверг осмеянию и развернутой критике тех, кто испытывает и высказывает сомнения по поводу благополучного и скорого окончания войны. Даром что за столом не было никого, кто держался бы противоположного мнения.

Лорд Хардуэй одобрительно кивал.

Полковник Маллин поощрительно надувал щеки.

Полковник Керр молчал.

Даже в таком сильно подпитом состоянии он непрерывно размышлял над конфигурацией театра военных действий и над особенностями акватории.

– Но одно сомнение меня все-таки гложет.

Все разом встрепенулись.

Губернатор напряженным взором посмотрел сквозь хрусталь своего бокала на большой подсвечник, стоявший посреди стола, оснащенный изрядно оплывшими свечами.

– Не могу поверить, что его величество и господа члены британского парламента могли принять такое решение.

Это решение было сообщено лордом Хардуэем много раньше, еще утром, сразу по прибытии. В кабинете губернатора. В присутствии высших офицеров гарнизона и влиятельнейших граждан. То есть при всех тех, кто находился сейчас за столом.

Оказывается, губернатор был поражен уже тогда, но не посмел высказать свое мнение, находясь в трезвом виде.

Лорд Хардуэй тоже был не в восторге от поручения, которое послан был выполнять в Новый Свет. Тем не менее он, поправив локон своего парика, заметил:

– Как бы там ни было, сэра Вудфорд, всем нам придется делать то, что нам надлежит делать.

Полковники одновременно кивнули. Им понравился ответ лорда Хардуэя и своей твердостью, и своей тактичностью. Он не стал резко обрывать старика-губернатора, но вместе с тем дал понять, что в военное время приказы не обсуждаются.

– Я привез с собой целый саквояж, набитый патентами и свидетельствами, и не вернусь в Лондон, пока не найду применение им всем.

Майор Планта и синьор Галиани переглянулись, но их взгляды ничего не сказали другу другу. Лорд Хардуэй продолжил:

– Майор, сегодня же отдайте приказ офицерам вашей эскадры готовиться к выходу в море.

– Слушаю, сэра.

– Из моих шести кораблей четыре нуждаются в мелком ремонте. На «Сомерсетшире» треснула фок-мачта.

– Понял вас, сэра. Завтра с рассветом мои плотники займутся ею.

Губернатор продолжал стоять, держа бокал в вытянутой руке. Он был пьян, но даже сквозь опьянение до него доходило, какую непозволительную вещь он сказал. Он посмел открыто обсуждать и осуждать королевский приказ.

Так и не выпив, он тяжело опустился в кресло.

Лорд Хардуэй, напротив, встал. Откланялся и удалился в отведенные покои, громко стуча золочеными каблуками по вошеному полу.

Ранним утром следующего дня эскадра из четырех кораблей покидала бухту Порт-Элизабет. Туман, покрывавший побережье и акваторию бухты, придавал этому событию некоторую таинственность.

Город – горстка белых кубиков среди сочной зелени пальм – в этот час еще спал.

Губернатор Вудфорд стоял на набережной, глядя в корму последнему из кораблей, исчезающих в тумане, и едва заметно шевелил губами. Если бы кто-нибудь мог подслушать, что он шепчет, то он бы очень удивился. Губернатор посылал тихие проклятия на голову главнокомандующего королевскими военно-морскими силами в Новом Свете.

Губернатор был в ужасе от того, что наговорил вчера, за портвейном, причем в похмельном сознании прегрешение разрасталось, как в увеличительном стекле. Сэр Вудфорд был уверен, что этот столичный хлыщ Хардуэй рано или поздно использует против него эту пьяную оплошность.

Не нравилось губернатору и то, что его единственный сын Генри, двадцатилетний лейтенант, увязался вместе с эскадрой.

Видите ли, он хочет послужить отечеству! Как будто ему нельзя послужить, сидя на берегу и не рискуя попусту.

Синьор Галиани стоял рядом и подсчитывал в уме, что даст ему, главному поставщику невисской эскадры, этот поход. Выходило, что даст немало.

Лорд Хардуэй стоял на шканцах флагманского корабля и настороженно прислушивался к сигналам своего организма. С ужасом он ожидал признаков морской болезни. Как и многие флотоводцы, он был, к несчастью, ей подвержен.

Слава богу, океан был гладок, как обеденный стол.

Утром того же самого дня «Блаженный Уильям» приближался к острову Невис с юга. Встречные ветры и атлантические штили измотали команду. Матросы уже две недели как не видели нормальной пищи – сплошь солонина и сухари. Непрерывные размышления о зарытом на Мадагаскаре золоте добавили яду в общую атмосферу. Поэтому когда на горизонте показался некий корабль, он был заведомо обречен.

Команда желала развлечься.

И развлечений она желала кровавых.

Одномачтовый однопалубный шлюп под голландским флагом.

Откровенно говоря, это было не совсем то, что нужно.

Не француз.

Не испанец.

– Что будем делать? – спросил Каллифорд, складывая подозрную трубу и пряча ее в карман своего черного кафтана.

Берджесс взорвался:

– В конце концов, мы не состоим на королевской службе и не обязаны заботиться о безопасности союзников его величества.

– Не состоим, – подтвердил Мэй.

– Когда нас станут вешать, никто не спросит, кем мы себя считали, всех заинтересует, что мы делали.

Берджесс несколько раз хлопнул ладонями по дубовым перилам:

– Команда застоялась. Через пару минут они узнают, что прямо по курсу у нас появилась добыча, и тогда ты посмотришь, как они отнесутся к твоим благоразумным рассуждениям.

По лицу Каллифорда было видно, что предстоящее развлечение ему не по душе.

– Что тебя смущает, Роб? Солнце еще не успеет войти в зенит, а мы уже возьмем этот шлюп на абордаж.

– А что ты там считаешь найти, кроме сахарного тростника и соленых воловьих шкур? Золото и жемчуг на таких посудилах не перевозят.

– Я хочу хоть немного успокоить наших негодяев, хочу, чтобы у них снова появился вкус к жизни.

Каллифорд вздохнул:

– Ладно.

Берджесс открыл было рот, чтобы отдать соответствующие команды, но его остановил жест первого помощника.

– Я сейчас схожу в капитанскую каюту. Пусть Лич сам отдаст приказ о нападении.

– Но он же...

– Я постараюсь его уговорить.

Каллифорд быстро прошагал по палубе по направлению к корме.

Капитан лежал в той же самой позе, в какой мы его оставили во французской бухте на Мадагаскаре. Он только еще больше осунулся и высох. Когда приступ лихорадки оставлял его,

он полностью приходил в себя. Единственное, что его донимало в это время, – это слабость. Он не мог самостоятельно подняться с постели.

Каллифорда встретил острый, немного злой взгляд.

– Что случилось?

– Прямо по курсу голландский шлюп.

– И что же?

Первый помощник, как и всегда в момент смущения, шмыгнул носом и высморкался.

– Я не слышу!

– Берджесс предлагает его атаковать.

Капитан закашлялся. Кашлял долго, мучительно, наконец поборол приступ.

– Он сошел с ума!

– Возможно. Но вместе с ним близка к сумасшествию вся команда. Если им не бросить эту кость, они могут взбунтоваться. Бунтом просто пахнет в воздухе.

– Заставьте их побольше бегать по реям, всю дурь выдует из голов. Ты же сам прекрасно понимаешь, что в этих водах мы не можем нападать на голландский шлюп. Это не Индийский океан, здесь нам не замести следы.

– Шлюп не такой уж большой. Команда не более сорока-пятидесяти человек, – осторожно сказал Каллифорд.

– Ты предлагаешь их всех пустить на дно. Из-за двух тюков второсортного хлопка?! А ты поручишься за то, что кто-нибудь из наших головорезов в ближайшем порту за кружкой рома не похвастается, как здорово он топил голландские шлюпы?!

Помощник понимал, что капитан прав, поэтому молчал, опустив голову на грудь.

В этот момент на верхней палубе раздался грохот каблуков, засвистели боцманские дудки.

Брайан Лич поднялся на локтях:

– Что это?

– Я сейчас пойду узнаю, – сказал Каллифорд, хотя прекрасно знал, в чем дело. – Голландский шлюп был замечен, к Берджессу явились выборные от команды, и он...

– Кто командует этим кораблем – я или Берджесс?!

Лич обессиленно рухнул на постель.

Каллифорд выскочил вон.

На палубе кипела жизнь.

Носились туда и сюда вооруженные люди. Матросы, вцепившись в вымбовки, крутили колеса, натягивая канаты, которыми управлялись паруса.

На пушечных палубах гремели команды Мэя. Он обещал немедленно вставить фитиль в задницу тем, кто слишком медленно выполняет его команды.

Несмотря на то что «Блаженный Уильям» был в непрерывном плавании почти шесть месяцев и дно его обросло всяческой морской дрянью типа ракушек и водорослей, благодаря поднятому парусному вооружению он набрал приличную скорость.

Голландцы слишком поздно поняли, что паруса эти поднимаются в их честь и что им не следует слишком уповать на защиту своего флага. Этот трехпалубный красный гигант, украшенный крестом Святого Георга, вне всякого сомнения, собирается на них напасть.

– Уильям! – крикнул Берджесс. – Дай пару предупредительных выстрелов.

Главный канонир не заставил себя ждать. Одна за другой выстрелили две носовые пушки. Пороховой дым завернулся в гигантские белые шары. Одно ядро подняло высоченный фонтан брызг справа от голландской кормы, второе – слева. Преследуемым давалось понять, что они в пределах досягаемости. Кроме того, намекалось, что преследующие стреляют весьма недурно.

Туповатый Мэй никогда бы не сделал, если так можно выразиться в данном случае, карьеры, когда бы не его звериное чутье и сверхъестественный глазомер. Он не мог объяснить, что именно он делает с пушкой, для того чтобы она была без промаха.

Несмотря на приказ лечь в дрейф, голландцы продолжали идти своим курсом, не убавляя парусов.

– Раз они пытаются от нас удрать, значит, на борту у них есть кое-что получше, чем соленые воловьихи шкуры. – Берджесс подмигнул Каллифорду.

Тот негромко сказал:

– Лич запретил атаковать голландцев.

Штурман весело развел руками:

– Но мы уже атакуем. Не можем же мы бросить это дело на середине. Над нами будет смеяться весь Мэйн.

Каллифорд отошел к другому борту и достал подзорную трубу из кармана.

– Что ты хочешь рассмотреть, Роб? Какого цвета подштанники теперь у голландского капитана?

– Хочу убедиться, что мы делаем эту глупость без свидетелей, Сэм.

Берджесс махнул на него рукой.

– Эй, Уильям, пора переходить от предупреждений к делу, как ты думаешь, старина?

Главный канонир продемонстрировал это. Одно из ядер, выпущенных носовыми пушками, снесло фонарь над кормовой надстройкой. Второе влетело в окно кормовой каюты и там с наслаждением взорвалось. Брызги стекол, щепки, клубы дыма хлынули из окон голландской кормы в разные стороны. Победный клич пронесся над палубой «Блаженного».

Шлюп и после этого не пожелал выбросить белый флаг. Положив руля к ветру, голландский капитан стал поворачиваться к преследователю правым бортом, готовясь к артиллерийскому сражению.

Берджесс выругался:

– Этот герой меня смешит. Старина Уильям, сделай так, чтобы у этого дурака пропало всякое желание ворочать штурвалом.

Мэй выполнил и эту просьбу воинственного штурмана. Вторым попаданием восьмифунтовое ядро, попавшее под кормовую надстройку, лишило шлюп управляемости. После этого сопротивляться уж точно не имело смысла.

– Абордажная группа, на галюн!

Галюном называлась носовая часть палубы между бушпритом и носовой надстройкой. Там располагалось место общественного пользования для рядовых матросов. Офицеры и знатные пассажиры справляли свои надобности на балконах у кают в кормовой части судна.

Неугомонный капитан шлюпа тем не менее сдаваться не собирався.

Было видно, как он выстраивает на верхней палубе стрелков с мушкетами.

– Клянусь собственной печенкой, – объявил штурман, увидев это, – пара ящичков с золотом нас там ожидает. Ничем больше я не могу объяснить это упорство.

– А я могу.

– Что?

– Голландцы сопротивляются в надежде, что в последний момент к ним подойдет подмога.

Штурман на секунду помрачнел. Но только на секунду. Обежал взглядом горизонт:

– Какая подмога, откуда?

«Блаженный» пришвартовался к голландцу по касательной, выламывая пушечные стволы из портов. Пираты на ходу спрыгивали на палубу шлюпа, приветствуемые мушкетными выстрелами. Одна или две головы были разнесены в мелкие куски, но, в общем, большого вреда нападавшим стрелки принести не смогли.

Медленно вытащив шпагу из ножен, Берджесс, улыбаясь, произнес:

– Пойдем посмотрим, что там от нас прятали.

Каллифорд протянул ему свою подзорную трубу:

– Есть кое-что поинтереснее.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Посмотри сам.

Штурман неохотно засунул шпагу обратно.

– Куда смотреть?

– Зюйд-зюйд-вест.

Несколько мгновений Берджесс молча всматривался в линии горизонта. Потом опустил трубу и сказал упавшим голосом:

– Это эскадра.

– Да. Эскадра. И она идет сюда. На шум нашего боя.

Штурман растерянно оглянулся:

– Надо что-то делать, черт возьми!

– Что? – равнодушным тоном спросил Каллифорд.

– Свистать всех обратно на борт. Эскадра еще далеко. Они не успели нас толком рассмотреть. Мы успеем уйти.

– Не успеем.

– Почему?!

– Сначала надо потопить шлюп.

– Залп в ватерлинию – и они затонут за четверть часа.

– Кто-нибудь обязательно выплывет и все расскажет.

Берджесс задумался. Лицо его покраснело. По вискам побежали от напряжения струйки пота. Выхода не было!

– А чья это эскадра?

– Какая разница. Французы нас потопят. Англичане или голландцы повесят.

– Что же делать?

– Извиниться для начала перед голландским капитаном.

– Что я ему скажу?

– Скажешь, что обознался, принял его за испанца.

– Он же не поверит или примет меня за идиота.

– Лучше быть живым идиотом, чем...

Штурман не дал Каллифорду закончить его сентенцию, он взревел и схватился пальцами за горло.

Поведение кораблей эскадры недвусмысленно говорило об их намерениях. Они собирались охватить «Блаженного Уильяма» широкой дугой, с тем чтобы он имел только один путь к отступлению, на запад. Но если бы он решил уходить в этом направлении, ему пришлось бы двигаться в бейдевинде, то есть навстречу ветру. В данной ситуации это было невозможно.

– Англичане, – сказал Каллифорд.

– Всегда рад встрече с соотечественниками, – процедил сквозь зубы Берджесс.

– Что будем делать, Сэмюэль?

Штурману не пришлось отвечать на этот вопрос. Носовое орудие галиона, идущего крайним слева, просигнализировало, что к «Блаженному Уильяму» сейчас будет выслана шлюпка.

– Дайте им знать, что мы готовы ее принять, – приказал Каллифорд.

Берджесс поморщился, но ничего не сказал. Между тем захват голландского шлюпа закончился. Несмотря на приказ старшего помощника прекратить безобразие на его борту, пираты торопливо обшаривали его трюмы и выворачивали карманы пленных голландцев. Дога-

дываясь, что им через пару часов придется, быть может, за это отвечать, они не могли остановиться. Роковая инерция.

Два голых по пояс пирата приволокли на борт человека в сбитом парике, с простреленной правой рукой и перепачканным кровью лицом.

– Кто это? – недовольно спросил Берджесс.

– Убил двоих наших, здорово владеет шпагой, – возбужденно сообщили доставившие.

– Мы хотели отправить его на корм рыбам, но потом подумали, что он может нам рассказать много интересного.

– Кто ты такой? – мрачно спросил штурман, похлопывая по рукояти своей шпаги.

Пленный усмехнулся:

– Я капитан «Витесса», шлюпа, который сейчас обшаривают ваши люди. – Он увидел приближающиеся широким фронтом английские галионы и добавил: – Что бы они там ни отыскали, вам придется сильно переплатить за добытое.

Берджесс мгновенно налился кровью и сделал угрожающий шаг вперед.

Каллифорд положил ему руку на плечо:

– Погоди.

Штурман зашипел, как масло на раскаленной сковороде, но перечить не посмел. Он понимал, что в создавшейся ситуации виноват больше, чем кто бы ни было.

– Как вас зовут, милейший? – даже чуть улыбнувшись, обратился к пленному старший помощник.

– Гастон Гренуй, офицер голландского флота.

– Француз! – радостно взвизгнул Берджесс. – Мы спасены, Роберт, спасены!

Раненый француз презрительно посмотрел на лысого англичанина.

С флагманского английского галиона спустили на воду шлюпку. В нее живо спускались по веревочным лестницам гребцы.

– Совершенно не вижу, почему тот факт, что я родился в Бордо, может избавить вас от заслуженной виселицы, – спокойно сказал Гренуй.

Берджесс опять чуть было не кинулся на самоуверенного пленника, он до половины вытащил шпагу из ножен, и снова здравый смысл в лице Каллифорда удержал его от опрометчивого и опасного поступка. Удержал, но француз заметил:

– Напрасно вы ведете себя столь вызывающе. Пусть нам суждено болтаться на рее, но до того момента, когда это случится, у нас есть возможность... – Вы меня не тронете.

Берджесс проревел:

– Еще как тронем! Клянусь всеми мертвецами, сыгравшими в ящик по моей воле!

Гренуя не испугала эта шумная угроза.

– Вы меня не тронете, потому что я ваша единственная надежда.

Шлюпка быстро приближалась к плавучему острову, состоящему из двух сцепленных абордажными крючьями кораблей.

– Возможно, возможно, – задумчиво сказал Каллифорд. – Сэмюэль, я отлучусь ненадолго. Ты позаботься о том, чтобы наш гость не скучал.

Сказав это, старший помощник спустился на шканцы и быстро зашагал в сторону кормы.

Пираты, наконец сообразившие, что происходит что-то неладное, бросились к нему с вопросами.

Он отмахивался. Стремительно открыл дверь, которая вела в кормовую надстройку, и исчез за нею.

Поднявшийся с пушечной палубы Мэй и мрачный, как туча, Берджесс наблюдали за тем, как приближается к борту «Блаженного» шестивесельная шлюпка. Она была уже достаточно близко, так что можно было рассмотреть, что помимо гребцов в ней находятся несколько человек в английских военно-морских мундирах.

Каллифорд вошел в каюту капитана. Лицо Брайана Лича исказилось, и он тихо проговорил:

– Вы ослушались моего приказа и напали.

Старший помощник пожал плечами, оглядываясь.

– Это не самое худшее из того, что сегодня произошло.

– Что ты имеешь в виду?

Каллифорд прошелся по каюте, все время что-то высматривая. Что именно он искал, понять было трудно. Поведение старшего помощника взволновало капитана.

– Что ты ищешь?!

Каллифорд нехорошо усмехнулся:

– Сейчас узнаешь, капитан.

Лич попытался приподняться, но изможденное тело совершенно его не слушалось.

Наконец Каллифорд нашел то, что искал. Он быстро подошел к изголовью капитанской кровати, взял одну из пропотевших подушек и с силой наложил на лицо Лича.

Никакого сопротивления не последовало.

Через несколько минут, как раз в тот момент, когда борт шлюпки ударился о борт «Блаженного», Каллифорд снова был на мостике.

– Где ты был? – подозрительно спросил Берджесс.

– Я искал врача. Ведь мы обязаны оказать помощь мистеру Греную, а то он изойдет кровью, прежде чем увидит подошвы наших сапог.

– Какой врач?! – спросил, морща лоб, Мэй. – У нас сроду не было лекарей на борту.

Ему не успели ответить. Первый английский гость, это был красномордый полковник Маллин, перебросил ногу через фальшборт.

Судьба командиров «Блаженного Уильяма» и его команды решалась в большой каюте галиона «Виктория», флагманского корабля невисской эскадры.

Полковник Маллин сидел по правую руку от лорда Хардуэя, полковник Керр – по левую. Майор Плант – по правую руку от полковника Маллина.

Дело о нападении на шлюп «Витесс» разбиралось так тщательно, как только возможно. Было допрошено сорок матросов, но их показания были схожи, как камешки на морском берегу. Все твердили одно: был приказ с мостика атаковать, вот они и атаковали. О том, чем эти благородные господа занимались в прошлом, лорд Хардуэй спрашивать не считал нужным. Когда полковник Маллин осторожно поинтересовался, почему – он ответил, что с него и так хватает вранья.

– Вы посмотрите, как они умудряются морочить нам голову, рассказывая о том, что мы видели собственными глазами. Что они наплетут относительно того, чему мы не были свидетелями!

– Да уж.

– То-то. К тому же у меня нет цели изобличить их в пиратстве. И так видно, кто они такие. Нам важно понять, годятся ли они для тех целей, которые нами намечены.

Маллин пыхнул трубкой:

– Ну и как, сэр, к какой мысли вы склоняетесь?

– Надо поговорить с вожаками этих бандитов, тогда можно будет делать выводы.

Допрос главного канонира дал не больше, чем допрос самого распоследнего матроса. Уильям Мэй не мог объяснить, почему «Блаженный» напал на голландца.

– Я выполнял команды, которые поступали с мостика. Лорд Хардуэй переглянулся со своими полковниками:

– А кто их отдавал?

– Сэм Берджесс.

– Какую должность он занимает на вашем судне?

– Штурман.

Лорд Хардуэй пожевал тонкими, бледными от предчувствия морской болезни, губами. Вся эта компания ему категорически не нравилась. На лбу у каждого из этих негодяев было написано, что он пират, убийца и мошенник.

На время роль допрашивающего взял на себя военный тюремщик:

– С каких это пор кораблем в бою стал командовать штурман, а?

Мэй вздохнул:

– У нас такое случается с тех пор, как заболел капитан Лич, сэр.

– Приведите сюда штурмана Берджесса.

Штурман был недалеко, дожидался за дверью. Его появление рассеяло все сомнения (если таковые еще оставались) относительно характера той деятельности, которой занималась команда «Блаженного Уильяма».

Бритоголовый, татуированный, слегка навеселе. Пират-пиратище.

– Скажите мне, Сэмюэль...

– Берджесс, сэр.

– Пусть так. Так вот, скажите мне, почему нападением на голландский шлюп командовали вы?

– Вообще-то, у нас командует капитан...

– Но капитан Лич, насколько мне известно, был болен.

– Точно так, сэр. Старший помощник Каллифорд отправился к нему в каюту, чтобы узнать, как нам себя вести, поскольку на горизонте, прямо по курсу, мы увидели шлюп. Мы подумали, что это шлюп французский...

– Почему вы так решили?

Штурман поскреб бритую макушку:

– А какой же еще, сэр?! Разве мы посмели бы напасть на шлюп нашего союзника?

Лорд Хардуэй склонил голову и некоторое время сидел так. Когда он ее поднял, выражение лица у него было кислое. Волнения на море не было никакого, поэтому выражение лица лондонского посланца выражало его отношение к следствию, которым он вынужден был заниматься.

– Позовите этого, как его, Каллифорда.

Штурман удалился в сопровождении двух мушкетеров в ярко-красных кафтанах. Два других человека в таких же мундирах ввели старшего помощника, он церемонно поклонился и, не удержавшись (хотя давал себе слово), потрогал правую ноздрю.

Несомненно, рваная ноздря хуже бритого черепа. Именно так и отреагировал лорд Хардуэй. Выражение лица у него сделалось совсем мрачным.

Маллин, Керр и Плант тоже не выказывали благостного расположения духа.

– Ты старший помощник?

– Да, сэр.

– Значит, ты должен знать, кто отдал приказ напасть на голландский шлюп.

– Должен знать и знаю это.

– Кто же?

– Капитан Лич.

– Он же был болен!

– Он плохо управлял своими руками и ногами, это из-за бомбейской лихорадки, господа, так вот, руками и ногами, особенно сразу после приступа, он шевельнуть не мог. А голова, поверьте, господа, голова у него была в порядке.

Лорд Хардуэй подумал, что хуже негодяя может быть только говорливый негодяй.

– И вот, когда он узнал, что прямо по курсу у нас возник то ли бриг, то ли шлюп...

– От кого он мог это узнать?

– Да от кого угодно. За ним присматривал один матрос, сами понимаете – немощь...

Полковник Маллин поднял руку:

– Где он сейчас, этот матрос?

– Погиб. Погиб во время абордажа. Мы понесли немалые потери. Кто же думал, что они будут так сопротивляться.

– Кто же думал, что вы нападете на шлюп союзников.

Каллифорд картинно развел руками:

– Капитан Лич считал, что это французский, то есть вражеский, корабль.

Лорд Хардуэй резко наклонился вперед:

– Он сам вам об этом сказал?

– О да, сэр. Сказал и приказал атаковать.

– Человек, лежащий без движения в каюте?! Он что, сквозь стены мог видеть?

– Не знаю, сэр. Не думаю. Все дело в этом матросе, видимо, он так описал капитану этот шлюп.

Лорд Хардуэй махнул рукой. Каллифорд не совсем понял, что означает этот жест, но на всякий случай замолчал.

Маллин и Керр с сожалением смотрели на своего высокопоставленного друга. Они слишком хорошо его знали и видели, что это дело его тяготит, что он занимается им без всякой страсти и почти без любопытства.

– Итак, Лич отдал вам приказ атаковать.

– Отдал.

– Но вы-то видели, что на грот-мачте шлюпа голландский флаг, а не французский.

Каллифорд кивнул:

– Видеть-то я видел...

– И что же?

– Но у нас не принято обсуждать приказы капитана. Хоть кого спросите. Раз приказано – надо выполнять, каким бы странным или неприятным ни казался приказ. Да, я видел, что флаг голландский, но не посмел ослушаться приказа.

Каллифорд извергал эту наглую ложь с самым искренним видом. Лорд Хардуэй и его помощники с интересом следили за этим спектаклем, ожидая, что мерзавец пустит петуха, переусердствует, но Каллифорд сыграл свою роль великолепно. Все понимали, что он врет, но вместе с тем не видели, как его можно было уличить во лжи.

– Хватит!

Рука лорда хлопнула по бумагам, разложенным на столе. Правая рука. Левая разбросала по плечам локоны парика.

Пират стоял покорный, как овечка, по его изуродованному лицу читалось, что он готов смиренно принять любую участь, какую высокопоставленные господа сочтут нужным ему назначить.

Но время распределения частей еще не подошло.

У лорда Хардуэя были еще вопросы.

– Ответь мне, почему в сундуке капитана Лича мы не обнаружили никаких документов. Ни патента, ни капитанского свидетельства, ни приписного паспорта?

Каллифорд пожал плечами, ничуть не смутившись, хотя, признаться, лорд рассчитывал его этим вопросом смутить.

– Извините, сэр, но я человек неграмотный. Всеми бумажными делами занимался капитан, и только капитан.

– Вы что, нанимаясь на службу, не подписывали с ним контракта?

– Почему же, я прикладывал палец, измазанный в чернилах, к какой-то бумаге.

– Ты до такой степени доверял капитану Личу?

– А почему я не должен был ему доверять, сто чертей мне в глотку и еще сто в печень! Лич был славный парень и никогда не обманывал меня и других неграмотных парней.

– В каюте капитана Лича не найдено никаких бумаг, ни с пальцем, ни без пальца.

Каллифорд сделал недоуменное выражение лица.

– Я, например, считаю, что ты, увидев паруса нашей эскадры, уничтожил все бумаги, – вмешался в разговор полковник Керр.

Его поддержал Маллин:

– Контракт, конечно, был. Стандартный пиратский контракт из двенадцати пунктов.

Допрашиваемый выпучил глаза, как будто все сообщаемое было для него откровением.

– Пиратский... контракт... что вы такое говорите, сэр?!

– Что вы с ними сделали – сожгли или выбросили в воду?

Каллифорд обратился к лорду Хардуэю за защитой от нападок его слишком ретивых помощников:

– Сэр!

– Скажи мне, чем вы занимались в морях Индийского океана, прежде чем появиться здесь?

– Мы состояли на службе в компании.

– К какому порту вы были приписаны?

– Чаще всего мы стояли в Сурате.

Было видно, что лорд Хардуэй не верит ни единому слову, но отчего-то продолжает спрашивать.

– Что же заставило капитана Лича покинуть те благодатные места?

Каллифорд многозначительно закатил глаза:

– Война, сэр.

– Война? Лич испугался войны?!

– Не совсем так, сэр. Мы ввязались в войну. Мы даже потопили один французский корабль. По всей видимости, это был капер, он охотился за судами компании, сэр. Причем капер этот был не одиночкой, и капитан Лич пришел к выводу, что французов у берегов Мадагаскара слишком много, это опасно, и велел идти в Карибское море, где, он считал, мы будем в большей безопасности. По дороге нам встретился этот треклятый шлюп. Думаю, его очертания смахивали немного на очертания того французского капера, вот капитан и решил на него напасть. В конце концов, джентльмены, капитан Лич был не так уж не прав.

– Поясни свою мысль.

– Капитаном шлюпа оказался француз, я лично в этом убедился, прежде чем меня спапали ваши ребята.

Лорд Хардуэй сидел, уткнувшись лицом в ладони. Так он и заговорил:

– Ты лжешь, как последний паршивый пес!

Каллифорд слегка растерялся. Он не ожидал, что человек в таком дорогом и так тщательно расчесанном парике сможет произнести такие слова.

– Ты пес! Ты лжешь на каждом шагу. Как мог человек, лежащий без движения в постели, увидеть очертания корабля прямо по курсу? Для этого как минимум нужно встать с постели!

Каллифорд открыл было рот, но ему было громогласно велено:

– Молчать!

Полковники приободрились, лорд Хардуэй начинал напоминать, хотя бы отчасти, себя прежнего.

– Я колебался, что мне с тобой делать. Но меня доконала история с потопленным французским капером. С меня довольно! Возможно ли так лгать?!

Пират рухнул на колени:

– Но я могу доказать, что мои слова не ложь.

– Доказать?!

– Я согласен, пусть не пробьет и пяти склянок, болтаться на рее, сам завяжу себе петлю, если не докажу, что история с потопленным французом – правда.

Лорд Хардуэй встал.

Встали и остальные.

– Если ты не сделаешь этого, то пожалеешь не только о своих словах, но и том, что родился на свет.

Через каких-нибудь полчаса перед лордом и полковниками предстал Уильям Кидд.

Глава 3

Выглядел несчастный шотландец неважно. Истлевшая рубаха, клочковатая борода, подслеповатый взгляд. Давал себя знать месяц, проведенный почти в полной темноте.

Лорд Хардуэй смотрел на шотландца без восхищения, но с любопытством.

Полковники Маллин и Керр не испытывали ни того, ни другого чувства.

– Кто вы такой и откуда?

Уильям, увидев перед собой столь великолепно одетых господ, решил, что таким большим начальникам следует говорить только правду.

И начал ее говорить.

Важные господа слушали с интересом и не перебивали. Это убедило Кидда, что он говорит вещи важные и любопытные. Он рассказал важным господам о своей юности, о том, что он не хотел учиться, о том, как любит рыбачить, о том, что в городе он чувствует себя неуютно и поэтому предпочитает жить в загородном доме. Довольно подробно он описал свой дом и свой образ жизни в нем. Ничего не скрывая, он подробно поведал о том, что думает отец по его поводу, и о том, что соседи хихикают ему в спину, считая немного ненормальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.